

Моей греческой семье

*Σας αγαπώ όλους**

* Я люблю всех вас (греч.). Здесь и далее прим. редактора.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ДОМА

ДОМ КАДМА — Кадмиды
Эмблема: змея
Повелитель: Рат*,
возрожденный Арес

ДОМ ОДИССЕЯ — Одиссеиды
Эмблема: Троянский конь
Повелитель: Харткипер**,
возрожденная Афродита

ДОМ ТЕСЕЯ — Тесеиды
Эмблема: Минотавр

ДОМ АХИЛЛА — Ахиллиды
Эмблема: воин

ДОМ ПЕРСЕЯ — Персеиды
Эмблема: Горгона
Повелительница: Тайдбрингер***,
возрожденный Посейдон

* Wrath (англ.) — Гнев.

** Heartkeeper (англ.) — Хранитель сердец.

*** Tidebringer (англ.) — Рождающая волну.

ИСЧЕЗНУВШИЕ ДОМА

ДОМ МЕЛЕАГРА — Мелеагриды
Эмблема: Калидонский вепрь

ДОМ БЕЛЛЕРОФОНТА —
Беллеронтиды
Эмблема: Пегас

ДОМ ЯСОНА
Эмблема: баран

ДОМ ГЕРАКЛА — Гераклиды
Эмблема: Немейский лев
Повелитель: Ревелер*,
возрожденный Дионис

* Reveler (англ.) — кутила.

ЛИК ПОВЕЛИТЕЛЯ НЕБА ЯРКО СИЯЛ НА ФОНЕ НАДВИГАЮЩИХСЯ СУМЕРЕК: «СЛУШАЙТЕ МЕНЯ, КРОВНЫЕ НАСЛЕДНИКИ ТЕХ ГОРДЫХ СМЕЛЬЧАКОВ, ЧТО ОТВАЖИЛИСЬ ОТПРАВИТЬСЯ ВО ТЬМУ, ДАБЫ ИСТРЕБИТЬ МОНСТРОВ И ЦАРЕЙ ПРОШЛОГО, — МЕРНО ПАДАЛИ СЛОВА. — Я ПРИЗЫВАЮ ВАС К РЕШАЮЩЕМУ АГОНУ*, ПОБЕДА В КОТОРОМ ОЗНАЧАЕТ НЕПРЕХОДЯЩУЮ СЛАВУ. ДЕВЯТЬ БОГОВ ПРЕДАЛИ МЕНЯ И ЗАСЛУЖИВАЮТ ЖЕСТОКОЙ МЕСТИ. ТАК, НА ИСХОДЕ КАЖДЫХ СЕМИ ЛЕТ СЕМЬ ДОЛГИХ ДНЕЙ БУДУТ ОНИ БРОДИТЬ ПО ЗЕМЛЕ В ОБЛИКЕ СМЕРТНЫХ. А ПОТОМУ ВЫ И ВАШИ ПОТОМКИ ОТНЫНЕ И ВПРЕДЬ МОЖЕТЕ ИЗМЕНИТЬ ПРЕДНАЧЕРТАННЫЙ ПУТЬ И ОБРАТИТЬ НИТЬ СВОЕЙ ЖИЗНИ В НЕТЛЕННОЕ ЗОЛОТО. ЯВИТЕ СВОЮ СИЛУ И УМЕНИЯ, И Я НАГРАЖУ ВАС ПЛАШОМ И БЕССМЕРТНОЙ ВЛАСТЬЮ БОГА, ЧЬЕЙ КРОВЬЮ БУДЕТ ОБАГРЕН ВАШ КЛИНОК. НО ЗА ЭТО Я ПРОШУ МНОГОГО. СОБЕРИТЕСЬ В САМОМ СЕРДЦЕ ИЗВЕСТНОГО МИРА И С РОЖДЕНИЕМ ДНЯ НАЧИНАЙТЕ ОХОТУ — ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ ОСТАНЕТСЯ ЛИШЬ ТОТ, КТО ПЕРЕРОДИТСЯ ЦЕЛИКОМ».

*«Зевс в Олимпии»,
перевод Креона из Дома Одиссеидов*

* Борьба или состязание у древних греков и римлян.

Очнувшись, он сразу почувствовал под собой грубую землю. Ноздри наполнил смрад крови смертных.

Тело восстанавливалось медленнее, чем разум. От непрошенных ощущений вспыхнула и, подобно обожженной глине, затвердела его кожа.

Роса пропитала тонкое голубое одеяние, голые ноги по щиколотку забрызгала грязь. Его колотило от холода, по телу пробегала унижительная дрожь. Кажется, он простудился. Впервые за семь лет.

Человеческая кровь текла в его жилах, эта густая мерзкая жижа... Не то что благодатный солнечный ихор, который когда-то выжег все следы его смертности и выпустил обратно в мир. Долгие семь лет он ураганом носился по ближним и дальним землям, распаял злобой сердца убийц, раздувал угли конфликтов в пламя. Он был сама ярость.*

Снова почувствовать ограниченность человеческого тела... влиться обратно в этот жалкий сосуд... Какая пытка! Он был почти готов пожалеть старых богов. Они пережили это изуверство уже двести двенадцать раз.

Но только не он. Это последний раз, когда он ощутил вкус смертности.

* В греческой мифологии ихор — кровь богов, отличная от крови смертных.

Он еще не полностью пришел в себя, однако узнал и город, и большой парк. И запах подстриженной травы, к которому примешивалась вонь нечистот. И гул машин где-то рядом. И наэлектризованное, беспокойное биение пульса глубоко под асфальтом улиц.

Уголки его рта скривились в попытке вспомнить, как улыбаются. Когда-то, в той, смертной, жизни, этот город принадлежал ему: улицы предлагали свои сокровища, те, кто жаждал богатства, продавали частички власти. Однажды Манхэттен уже склонился перед ним и сделает это снова.

Он перекатился на бок, потом осторожно сел на корточки. Наконец убедившись, что сможет удержаться на ногах, медленно поднялся во весь рост.

Все вокруг было залито темной кровью. Юная девушка смотрела на него невидящими глазами. Сорванная маска валялась рядом, в горло был воткнут нож. Мужчине отсекли голову, однако маска в виде лошадиной морды по-прежнему скрывала его лицо. Рука, на которой не хватало пальцев, сжимала клинок.

Справа послышался тихий шорох — чьи-то шаги. Он потянулся за мечом, которого у него больше не было. Из тени ближайших деревьев, которые росли вдоль мощеной дорожки, выступили три фигуры и двинулись ему навстречу. На бронзовых масках было изображение змеи.

Кровные родственники из смертных. Дом Кадма*. Они пришли, чтобы забрать его, своего нового бога.

* Кадм — в древнегреческой мифологии основатель города Фивы (современный город носит то же название), для чего должен был убить священного змея бога войны Ареса. В конце жизни был обращен богами в змея.

Наблюдая за их приближением, он с хрустом покрутил шейю. Охотники явно испытывали благоговейный страх, и это радовало. Его предшественник, последний новый Афес оказался недостойным носить плащ Бога Войны. С каким невыразимым удовольствием семь лет назад он убил этого Афеса и заявил о своем праве первородства.

Самый рослый из трех охотников выступил вперед. Белен. Новый бог с удовлетворением наблюдал, как молодой человек хладнокровно выдергивает стрелы из тел.

Жаль, что его единственный выживший отпрыск родился бастардом и не мог стать наследником Аристоса Кадму, того смертного, которым когда-то был новый бог. Тем не менее, глядя на него, он испытал прилив гордости, и его губы довольно изогнулись.

Белен сдвинул маску на затылок и почтительно потупил взгляд. Бог поднял руку, оцупывая свое лицо из по-юношески гладкой плоти. Покрытая шрамами прежняя оболочка была содрана в момент вознесения, возвращая ему вечную молодость. Отныне и навсегда.

— Самый почитаемый из нас, — произнес Белен, опускаясь на колени. Он протянул новому богу сверток, который достал из набедренной сумки: темно-красную шелковую тунику взамен запачканной грязью небесно-голубой. — Приветствуем тебя и предлагаем кровь твоих врагов как дань уважения к твоему имени и в знак нашей вечной преданности. Мы здесь, чтобы защищать тебя ценой нашей жизни, пока не придет время тебе снова возродиться и властвовать.

— И не только, — прохрипел новый бог, каждое слово давалось ему с трудом.

— Да, мой господин, — подтвердил Белен.

Из-за спины Белена показались еще охотники, все в черном. Они волокли кого-то в небесно-голубой хламиде.

— Подведите его ко мне, — приказал Белену новый бог.

В это же время два черных внедорожника с выключенными фарами вывернули с соседней улицы и помчались к ним прямо по лужайкам Центрального парка. Кадмиды приступили к работе. Развернув брезент, они перенесли на него мертвых охотников. Сняли пропитанную кровью землю. Раскатали новые рулоны газонной травы. Погрузили обезображенные тела в багажник третьей машины, подъехавшей следом.

Он знал: в разных концах Парка представители других Домов проводят сейчас такой же ритуал.

Пленника потащили дальше, и тот, словно бешеное животное, снова забился в руках державших его мужчин, пытаясь боднуть их головой. Еще раньше ему перефрезали сухожилия на лодыжках, чтобы он не смог воспользоваться своей суперсилой — скоростью — и сбежать. Хорошо.

Охотники заставили пленника опуститься на колени. Новый бог нагнулся, чтобы сорвать капюшон с его головы.

Золотистые глаза пылали свирепым огнем, в них кружились искры ярости. Кровь сочилась из раны на лбу, стекая по некогда сияющей коже на небесно-голубую туннику.

— У тебя отняли твою последнюю силу, — проговорил новый бог. Запустив пальцы во вьющиеся пряди каштановых волос старого бога, он зафренинул ему голову, заставляя того встретиться с ним взглядом.

— Я знаю, чего ты хочешь, Богоубийца, — произнес старый бог на древнем языке. — Но этого ты никогда не найдешь.

Новому богу нужно было знать только одно — что ЭТО не уничтожено. И его гнев был похож на эйфорию. Он поднес острый как бритва край клинка, что почти-точно подал ему Белен, к мягкой смертной плоти старого бога и улыбнулся.

— Обманивик. Посланец. Путешественник. Вор, — изрек новый бог. И в следующий миг лезвие пронзило позвоночник пленника. — Ничто.

Из раны хлынула кровь. Новый бог упивался зрелищем. Он видел, как страх сменился болью, потом неверием... Божественная сила пленника угасала. Жаль, что новый бог не мог завладеть ею.

— Таков порядок вещей, не так ли? — Наклонившись, новый бог наблюдал последнюю вспышку жизни в глазах старого бога. — Этот же путь прошел твой отец, а еще раньше — отец твоего отца. Старые боги должны умереть, чтобы позволить новым подняться.

В Парке царил тишина, прерываемая чавкающими звуками, с которыми клинок входил в плоть, и треском, с которым голова Гермеса наконец отделилась от тела. Новый бог высоко поднял эту голову — так, чтобы ее увидели его последователи.

Охотники зашипели от восторга и начали бить себя кулаками в грудь. Еще раз взглянув на свой трофей, новый бог швырнул голову Гермеса в грудку других останков, сваленных на брезент. Когда наступит утро, никаких следов не останется — ни от восьми богов, которые подобно вспышке молнии возникли в разных концах Центрального парка, ни от охотников, павших в попытке расправиться с ними.

А вокруг гудел город, изнывая от едва сдерживаемого хаоса. В этих звуках новому богу слышалась песнь грядущего ужаса. Он понимал это страстное желание — сорваться с привязи.

— Я — Рат. — Новый бог опустился на колени и погрузил пальцы в кровавую грязь. — Я ваш хозяин. — Он провел пальцами по щекам. — Я — ваша слава.

Столпившиеся вокруг охотники стянули маски и рухнули рядом, размазывая влажную землю по возбужденным лицам.

Наступала новая эпоха, когда всем завладеет тот, кто достаточно силен для этого.

— А теперь, — объявил новый бог, — мы начинаем.

ЧАСТЬ I

ГОРОД БОГОВ

«Хочешь узнать истинную суть человека — сразись с ним!» — говорила мать. Вот только по опыту Лора знала, что обычно в драке обнаруживается самое уязвимое место противника. Сейчас это была свежая татуировка на груди соперника, слева — он даже не снял повязку.

Лора встала в боевую стойку, и рукой в перчатке отбила еще один неточный удар. Отскочила назад, и дешевые голубые маты зазаскрипели под ее кроссовками. Полоски серебристого скотча, скреплявшие самодельный ринг, после пяти боев начали отклеиваться от жары и влаги. Лора недовольно заворчала, когда обрывок скотча прилип к ее подошве.

Горько-соленый пот струился по лицу, разъедая глаза и губы. Но Лора даже не пыталась утереться. Боль помогала сосредоточиться.

Эти боксерские поединки по вечерам — просто еще одна скверная привычка. Но после смерти Гилберта именно она принесла облегчение, в котором она так отчаянно нуждалась. Вот только данное себе обещание: провести *единственный бой* — мгновенно забылось, когда Лора почувствовала знакомый прилив адреналина.

Одного поединка оказалось достаточно, чтобы стряхнуть отупляющее забытье горя, вырваться

из плена тягостных мыслей и вернуться в собственное тело. Два боя — и острая боль в сердце утихла. А после третьего в ее карманах появилась впечатляющая сумма денег. Наличными.

И вот теперь, спустя полгода, пятнадцатый по счету бой принес именно то, чего Лора так хотела в ту ночь: возможность отвлечься и забыться. Конечно, говорила она себе: остановиться можно в любой момент. Как только почувствует, что бои перестают быть удовольствием. Она остановится, если то, что было глубоко похоронено, снова выберется на поверхность. Но этот момент еще не настал. Пока не настал.

В тесном подвале китайского рестораника «Красный дракон. Лучшая китайская еда» стояла одуряющая духота. Пышущая жаром стена из тел окружала ринг. Толпа колыхалась в такт движениям бойцов. Пальцы сжимали пластиковые стаканы, стараясь не расплескать дорогой алкоголь. Громко выкрикивались ставки, деньги текли рекой, из рук в руки, прямо к Фрэнки, организатору боев, который еще следил за порядком в зале, принимал ставки и записывал, кто и на кого поставил на следующие два боя. Фрэнки всегда больше интересовал выигрыш, чем имя победителя.

Из кухни наверху валил влажный пар, клубился в свете ламп. Восхитительный аромат курицы «кунг пао» перебивал вонь застарелой рвоты и пива, которая стояла во всех закрытых ночных клубах, где проходили бои.

Однако толпу такие мелочи не заботили. Неважно где и как, лишь бы испытать хотя бы подобие острых ощущений. Особый гостевой список Фрэнки за последнее время существенно расширился: рядом с красотками-манекенщицами, представителями богемы

и деловыми парнями, передающими из рук в руки маленькие пакетики белого порошка, все чаще мелькали богатенькие подростки из частных школ, испытывавшие пределы родительского пофигизма.

Противником Лоры на ринге сегодня был ее ровесник — гладкая, без единой царапины кожа, нахально-самоуверенная физиономия. Выбирая из тех, кого выставил Фрэнки, парень, рассмеявшись, ткнул пальцем в нее. Лора решила наказать наглеца и сбить с него спесь, пока он не стал называть ее *малышкой* и приставать с пьяными поцелуями.

— Дай-ка угадаю, — процедила она сквозь капу, кивнув на повязку, прикрывающую свежую татуировку на груди соперника. — «Жить, смеяться, любить»? «Пить *Rosé* с утра до ночи»?

В толпе расхохотались, а парень набычился. Крякнув, он что есть сил замахнулся, целясь Лоре прямо в голову, но только сам подставился под удар. И она ткнула перчаткой прямо в нежную, покрытую чернилами кожу.

Задохнувшись от боли, парень выпучил глаза, ноги его подогнулись, и он рухнул на коврик.

— Вставай, — бросила Лора. — Не позорь своих приятелей.

— Ты... ты, глупая су... — Парень чуть не подавился капой.

Еще до начала схватки Лора прикидывала, как быстро он сдуется. Хватило пяти минут.

— *Уверена*, что ты не меня имел в виду, — протянула она, обходя его кругом. — Кто из нас двоих на четвереньках?

Ее противник, с покрасневшим от злости лицом, шатаясь, поднялся на ноги. Лора закатила глаза. «Похоже, ему уже не так смешно?» — хмыкнула она про себя.

«Оставь этого дурачка в покое», — сказал бы сейчас Гил. Если назревала стычка, он всегда — мягко, не осуждая, — спешил напомнить, что не стоит ввязываться в каждую драку, даже если кто-то на это напрашивается. А эти бои Гил точно возненавидел бы, и Лора страдала от чувства вины еще и за это. За то, что разочаровала его.

Но она пыталась по-другому, правда. Но только хороший мордобой помог справиться с чередой сокрушительных утрат. Однако сейчас речь шла не только о смерти Гила — ее терзал новый страх.

Наступил август, и в город вернулась *охота*.

Несмотря на все старания забыть о печальном прошлом и выйти из тьмы обратно на свет ради новой, лучшей жизни, часть разума Лоры продолжала вести обратный отсчет дней. Ее тело окрепло, инстинкты обострились, как будто в ожидании того, что должно произойти.

Уже две недели назад Лора стала то здесь, то там замечать знакомые лица. Сомнений не осталось: шли последние приготовления к роковой ночи. Это знание пронзило ее, вышибло воздух из легких. Каждая встреча подтверждала худшие опасения. Ее надежды, безмолвные мольбы — все было напрасно. «Пожалуйста, — много месяцев, не переставая, просила она, — пусть в этом цикле жребий падет на Лондон. Пусть это случится в Токио».

Пусть это произойдет где угодно, только не в Нью-Йорке.

Лора знала, что этим вечером, в самый разгар резни, ей лучше остаться дома. Стоит хоть одному охотнику узнать ее, и сородичи из его клана откроют охоту не только на богов. Они захотят добраться и до нее.

Краем глаза Лора заметила, что Фрэнки бросил взгляд на старомодные карманные часы и подал сиг-

нал: «Закругляйся». Наверняка мечтает уже свалить и оттянуться, деньги жгут карман.

— Готов? — спросила Лора.

Похоже, ее соперник все-таки принял на грудь перед боем. Неуклюже размахивая кулаками, он погнался за Лорой по рингу. Толпа гоготала все громче, и парень совсем расสวิрепел.

Когда Лора увернулась от удара, цепочка с подвеской в виде золотого перышка, блеснув в тусклом свете, выпала из выреза ее футболки. Перчатка противника зацепилась за тонкую металлическую нить, застежка щелкнула, и амулет упал прямо к ее ногам.

Стянув перчатку и поднырнув под руку противника, который снова приготовился к атаке, Лора схватила цепочку и амулет — и то, и другое подарил ей Гилберт, — и для надежности засунула в задний карман джинсов. Натягивая перчатку обратно, она пылала от ярости.

Снова принимая стойку, Лора напомнила себе, что убивать парня она не вправе. Однако ничто не мешает ей перебить его милый носик. Что, под одобрительные возгласы толпы, она и сделала. Побелев от боли, парень грязно выругался.

— Думаю, тебе уже давно пора в кроватку, *малыш*, — бросила Лора, поворачиваясь к Фрэнки и ожидая, что тот объявит исход поединка. — На самом деле...

Она успела заметить приближающийся кулак и дернуть головой, так что удар пришелся в висок, а не в глаз. Мир окрасился в черный, затем снова вспыхнул яркими красками, но ей удалось удержаться на ногах.

Не обращая больше внимания на кровоточащий нос, парень торжествующе завопил, скидывая руки

в воздух, и снова бросился на Лору, которая только и успела инстинктивно прижать перчатки к груди, защищаясь. Впрочем, у противника были другие планы. Зажав шею девушки локтем, парень впился ей в губы.

Паника ослепляла, по коже пробежала ледяная дрожь, голове было пусто. А парень только крепче прижался к Лоре всем телом, слюнявя ее рот. Толпа ревела от восторга.

И тут Лора взорвалась. Все, чему она сопротивлялась последние несколько недель, с бешеным ревом вырвалось из ее груди. Получив резкий удар коленом между ног, парень рухнул на маты и завизжал так, будто его режут, а удары сыпались на него один за другим.

Сознание вернулось к Лоре, когда ее, продолжавшую рычать и брыкаться, подняли над полом. Ее перчатки были в крови, а то, что осталось от лица парня, не поддавалось описанию.

— Уймись! — Большой Джордж, один из охранников Фрэнки, тряхнул ее за плечи. — Детка, он того не стоит!

Сердце Лоры колотилось о ребра, она никак не могла отдышаться. Ее трясло от адреналина. Большой Джордж опустил ее на пол и держал, пока она не кивнула в знак того, что с ней все в порядке. Тогда Большой Джордж подошел к парню, стонущему на матах, и слегка пихнул его ногой. Кровь перестала стучать в ушах, и Лора вдруг заметила, какая наступила тишина. Только в кухне наверху продолжали стучать и греметь посудой.

Ужас медленно расползлся по ее телу, сердце будто стянули обручем. Пальцы в перчатках свело так, что они заныли от боли. Лора не просто потеряла контроль. Та часть ее натуры, которую она, вроде бы,

похоронила много лет назад, снова вернулась и одержала верх.

«Это не я, — подумала она, вытирая пот с верхней губы. — Больше не я».

Но у нее были неотложные дела — нужно было спасти заработанные этим вечером деньги. И хотя ее переполняла болезненная, острая ненависть к поверженному противнику, этому скулящему куску дерьма, Лора, сглотнув желчь, кротко улыбнулась, вскинула руки и смущенно пожала плечами. Зрители разразились одобрительными возгласами, приветственно поднимая пластиковые стаканы с выпивкой.

— Ты не выиграла, ты сжульничала, — ныл парень. — Это нечестно, ты *жульничала!*

В этом-то и проблема таких парней. Да, он вне себя от бешенства, но не потому, что рушится мир. А потому, что рушится тот иллюзорный мир, в котором он достоин всего на свете, и все принадлежит ему... просто так, а не потому, что он этого заслуживает.

Дернув зубами за шнурок правой перчатки, Лора склонилась над противником. Толпа снова притихла как голодное воронье перед тем, как наброситься на добычу.

— Может, тебе теперь набить «Вечный лузер»? — сладко пропела она, на этот раз придавив его повязку кулаком.

Удар колокола, возвестивший об окончании поединка, заглушил возмущенные вопли парня, и Большой Джордж поволок бедолагу к кучке его друзей. Приходить сюда сегодня было ошибкой. Сбросить напряжение не вышло — наоборот, она завелась еще больше. Но уже подходя к краю ринга, она услышала голос Фрэнки:

— Следующий поединок: Золотая против Блинецов.

Лора бросила на него раздраженный взгляд. Фрэнки как всегда невозмутимо улыбнулся и показал ей пять пальцев. Лора покачала головой, и он поднял еще три. Все бросились делать ставки, мятые купюры запорхали в воздухе.

Нужно уходить. Она это знала, но... Лора показала Фрэнки все десять пальцев. Тот нахмурился, но потом все-таки махнул рукой в сторону ринга. Снова натянув перчатки, Лора вернулась на маты. Если ее соперником окажется кто-то из приятелей того юнца, может быть, удастся развлечься.

Не удалось.

Ее противник держался в тени, стараясь не попадать в круги света, что отбрасывали лампы над головой. Но вот молодой человек шагнул вперед, и этого было достаточно, чтобы тусклое сияние выхватило бронзовую маску, скрывавшую его лицо.

У Лоры перехватило дыхание, она отшатнулась.

Охотник.

В голове пронеслось: *БЕГИ!*

Но инстинкты требовали иного, и тело послушалось. До крови закусив губу, Лора ушла в защиту. Каждая клетка ее тела вибрировала, наэлектризованная страхом и азартом.

«Ты идиотка», — мысленно обругала она себя. Придется убивать его на глазах у всех этих людей... или как-то перенести бой на улицу и расправиться с ним там. Другие варианты Лора не рассматривала. Она не собиралась умирать на залитых алкоголем матах в подвале китайского ресторана, где даже не подают «мапо тофу»*.

Противник угрожающе нависал над Лорой, а она пыталась делать вид, что это ее не волнует. Она была далеко не маленькой, но охотник оказался выше сантиметров на пятнадцать, если не больше. Простая серая футболка и спортивные штаны плотно облегли рельефную фигуру. Каждый мускул его тела был очерчен так же четко, как у тех атлетов, которых она видела на древних вазах отца. Маска, скрывавшая лицо, выражала ярость воина в тот момент, когда из его груди рвется боевой клич.

Дом Ахилла.

* Популярное блюдо китайской кухни, острый соевый творог.

«Да уж, — приуныла Лора. — Хреновая ситуация».

— Я не сражаюсь с трусами, которые скрывают лицо, — холодно произнесла она.

— Я так и думал, — раздался теплый голос, в котором слышался едва сдерживаемый смех.

Охотник отшвырнул маску прочь... и мир вокруг запылал, сгорая дотла.

Ты же мертв.

Слова застряли в горле. Лора качнулась назад, пытаясь глотнуть воздуха, но толпа толкнула ее обратно на маты. Лица вокруг расплывались, сливаясь в одно темное пятно.

«Ты же должен быть мертв, — потрясенно думала Лора. — Ты умер».

— Удивлена? — В его голосе слышалась надежда, но глаза смотрели испытующе, встревоженно.

Кастор.

Черты его прекрасного лица, утратив юношескую округлость, стали четче, заострились. Поразительно, каким глубоким стал его голос.

На одно ужасное мгновение Лоре показалось, что она попала в осознанное сновидение*. И закончится оно так же, как и другие сны, когда ей снилось, что родители и сестры живы. А, проснувшись, она будет захлебываться от рыданий или лежать с сухими глазами, не в силах подняться с постели. Лоре казалось, что голова сейчас взорвется от напряжения. Она застыла, не позволяя себе надеяться — надежда уничтожит ее.

Но Кастор Ахиллеос не исчез. Синяки, которые она получила во время предыдущего поединка, ни-

* Осознанное сновидение — измененное состояние сознания, когда человек понимает, что видит сон, и даже может управлять его содержанием.

куда не делись, боль пульсировала в теле. Запахи выпивки и жареной пищи все так же витали в воздухе. Она чувствовала, как капли пота стекают по лицу и спине. Все происходило наяву. Но Лора все равно не могла пошевелиться. Не могла отвести взгляд от его лица.

Он настоящий.

Он жив.

Наконец эмоции прорвались наружу. И к собственному изумлению, Лора почувствовала злость — не дикую и всепоглощающую, а острую и безжалостную, как тренировочные клинки, какими они когда-то сражались.

Кастор жив, и он позволил оплакивать его целых семь лет.

Лора попыталась вытереть лицо перчаткой и сосредоточиться, хотя ее тело не желало группироваться. Предстоял бой. Противник нанес первый удар, но этот парень когда-то был ее лучшим другом, и она знала, как ответить.

— С чего бы мне удивляться? — Наконец она сумела взять себя в руки. — Я понятия не имею, кто ты такой.

На лице Кастора промелькнула растерянность, но вот он вскинул бровь, сверкнув легкой понимающей улыбкой. В зале заулюлюкали, и кое-кто начал перешептываться.

Отказаться от боя, послав противника куда подальше? Это чревато ненужными разборками, придется объясняться при посторонних. Но после всего, что случилось, выпустить его из этого подвала целым и невредимым, просто невозможно. Лора повернулась, чтобы подать сигнал Фрэнки, надеясь, что никто не заметит, как ее сердце рвется из груди.

Ударил колокол. Толпа заплодировала. Лора пригнулась, встала в боевую стойку.

«Убирайся, — мысленно твердила она, буравя Кастора взглядом поверх перчаток. — Оставь меня в покое».

За последние семь лет он даже не пытался ее разыскать! Зачем тогда все это сейчас? Хочет посмеяться над ней? Заставить вернуться? Черта с два у него это выйдет.

— Прошу, будь осторожнее. — Кастор разглядывал дырку в одной из перчаток, которые кто-то ему одолжил. — Я давно не тренировался.

Мало того, что он жив, так еще и выучился на целителя, а не на воина, как и собирался. Его жизнь сложилась именно так, как он хотел, — без всякого ее вмешательства. И он так и не появился, чтобы ее найти. Даже когда она так в нем нуждалась.

Легко пружиня на ногах, Лора кружила вокруг Кастора. Семь лет, будто море цвета темного вина, пролегли между ними.

— Не волнуйся, — холодно бросила она. — Все закончится быстро.

— Надеюсь, не слишком. — Усмешка снова тронула его губы.

Его темные глаза сверкнули в свете раскачивающихся над головой лампочек, в них будто вспыхнули искры. Длинный прямой нос, хотя и не раз сломанный в спаррингах, резко очерченный подбородок, скулы, острые как лезвия.

Лора сделала первый выпад. Кастор уклонился от удара. Он оказался быстрее, чем она помнила, но его движения были немного дергаными. Каким бы мощным ни выглядело его тело, Кастор явно не тренировался. На ум пришло сравнение с проржавевшим механизмом, который пытается рабо-

тать в обычном ритме. Словно в подтверждение, Кастор слишком далеко шагнул назад, едва не потерял равновесие, но в последний момент удержался на ногах.

— Ты здесь, чтобы сражаться, или нет? — прорычала она. — Мне платят за поединок, так что перестань тратить мое время!

— Я и не собирался, — возразил Кастор. — Кстати, ты все еще опускаешь правое плечо.

Лора нахмурилась, сопротивляясь желанию выпрямиться. Они уже теряли внимание любителей почувствовать адреналин в крови. Подземный этаж содрогнулся, когда толпа затопала в бешеном ритме, заставляя бойцов ускорить темп.

Кастор уловил настроение публики, а может, в нем уже было немало алкоголя — его лицо внезапно напряглось и сосредоточилось. Лампочки все так же раскачивались на цепях, отбрасывая длинные тени, и Кастор то и дело исчезал в полумраке, как будто узнал, как превращаться в тьму.

Он сделал ложный выпад направо и несильно ударил Лору в плечо.

Вспышка ярости, весь мир утонул в обжигающе белом цвете. Выходит, она даже не заслуживает и капли уважения как достойный противник! Для него этот бой всего лишь развлечение!

Лора врезала Кастору кулаком по почкам, и, когда тот согнулся пополам, резко припечатала в левое ухо. Тот пошатнулся и, в конце концов, не удержавшись на ногах, упал на одно колено.

Лора нанесла еще один удар, на этот раз целясь прямо в лицо, но Кастор сумел выставить блок, и отдача отозвалась у нее в предплечье.

— Продолжишь эти игры, и посмотрим, чем они для тебя закончатся, — прошипела Лора.

Кастор посмотрел на нее сквозь пряди темных непослушных волос, упавших на глаза, его кожа цвета слоновой кости сияла. Лора не могла отвести от него глаз. Пот капал с подбородка, тело все еще пульсировало от kloкочущей внутри бури. Огоньки ламп снова заплясали в его темных глазах, создавая почти гипнотический эффект. Он больше не улыбался, словно Лора стерла эту улыбку с его лица.

Рванувшись вперед, он в броске дернул ее за колени захватом сзади. И в следующее мгновение Лора уже лежала на спине, хватая воздух ртом. Публика взорвалась аплодисментами.

Приготовившись отбросить противника назад, Лора дернула ногой, но тут же услышала довольный голос Фрэнки:

— Никаких пинков!

Ладно.

Она резко перекатилась налево, к самому краю матов и снова вскочила на ноги. Но теперь, когда она атаковала Кастора, он был готов. Она пригнулась и подпрыгнула, полностью отдаваясь схватке. Ее губы скривились в невольной улыбке.

На верхних ступеньках лестницы возникла какая-то суета — очевидно, пришел кто-то еще. Лора отвлеклась, и это дорого ей обошлось — Кастор нанес ей мощный удар в живот.

Она закашлялась, пытаясь не согнуться пополам. Кастор широко распахнул глаза. Похоже, что он испугался.

— Ты в поря... — вырвалось у него.

И в этот момент Лора боднула его головой в грудь. Все равно, что врезаться в бетонную стену... Каждый сустав в ее теле кричал от боли, перед глазами поплыли черные точки, но Кастор рухнул на пол, и она вместе с ним.

Кастор перекатился и оказался сверху. Осторожно, чтобы не раздавить своим весом, прижал ее к матам. Лора мстительно отметила, что он дышит так же тяжело, как и она.

— Ты же умер, — сумела выдавить она, пытаясь вырваться из захвата.

— У меня не так много времени, — перебил ее Кастор, после чего перешел на древний язык. — *Мне нужна твоя помощь.*

Ее кровь заледенела от слов, произнесенных на языке, который она так упорно заставляла себя забыть.

— *Что-то происходит,* — продолжил он. Борьба разогрела его тело, оно стало почти обжигающим. — *Не знаю, кому я могу сейчас доверять.*

Лора отвернулась.

— А я тут при чем? Я вышла из игры.

— Знаю, но должен предупредить тебя... *Проклятье...* — выругался Кастор, снова переходя на древний язык.

Они снова покатались по полу, и теперь наверху оказалась Лора. Словно в тумане она слышала, как толпа скандирует обязательный отсчет до восьми. Слишком поздно до нее дошло, что он позволяет ей победить.

— Какой же ты осел... — начала она.

Его взгляд был прикован к лестнице, к человеку, которого она заметила раньше. Это был Эвандер — родственник Кастора, товарищ по детским играм.

На нем тоже была черная одежда охотника с отблеском чего-то золотого на груди, прямо над сердцем. Темная с холодным перламутровым оттенком кожа мерцала в клубах пара, который шлейфом тянулся из кухни. Теперь Ван носил очень короткую стрижку, которая еще сильнее подчеркивала его потрясающую красоту. Быстро взглянув на Кастора, он подал ему какой-то знак.

— Время вышло, — проговорил Кастор.

О чем он? Об этой схватке или о чем-то другом?

— Подожди, — Лора вцепилась в его руки, но Кастор уже оторвал ее от себя и поднялся.

Его ладони на мгновение задержались на ее талии.

— Он что-то ищет, и я не знаю, связано ли это с тобой.

Когда до Лоры дошли его слова, у нее перехватило дыхание. Существовал лишь один *он*, которого ей следовало опасаться. Теперь она боролась за каждый глоток воздуха. Боролась с нарастающим шумом в ушах.

— Может, ты и покончила с Агоном, но я не думаю, что Агон покончил с тобой. Будь осторожна. — Кастор пристально посмотрел на нее, а потом наклонился ниже и прошептал на ухо: — Ты все еще сражаешься как Фурия*.

Отстранившись, Кастор отвесил ей поклон, принимая свист толпы и предложенный ему красный пластиковый стакан с выпивкой. Протискиваясь сквозь толпу, он направился к Эвандеру. Когда Кастор поравнялся с ним, тот крепко схватил его за предплечье, и они оба исчезли в душной кухне.

Кто-то хотел поднять ее руку в воздух, чтобы объявить о победе, но Лора, вырвавшись, уже пробивалась сквозь толпу зрителей.

«Что ты делаешь?! — вопил ее разум. — Пусть они уходят!»

Возле лестницы она с кем-то столкнулась, да так сильно, что человек, спотыкаясь, отлетел к стене. Бормоча извинения, Лора резко обернулась и...

Проклятье.

* Фурии в римской мифологии, или Эринии в древнегреческой — богини ненависти и мести.

Кожа, белая как мел. Темные глаза вытаращились, встретившись с ее глазами. Тощая фигура в узких джинсах. На голове хипстерский ежик. На шее — ожерелье из конского волоса. Майлз.

Да как так-то?! Как, черт возьми, эта ночь могла стать еще хуже?

— Жди здесь! — приказала она.

Дождавшись ошеломленного кивка, Лора влетела в кухню. Лавируя между возмущенными поварами, пробираясь сквозь завесу пара, она наконец увидела аварийную дверь с отключенной сигнализацией и вскочила на темную улицу.

В ночном воздухе вспыхнули красные огни задних фонарей внедорожника, рванувшего со стоянки. Одинокий пластиковый стаканчик покатился к ее ногам. На его стенке было что-то размазано.

Чернила.

Лора повернулась к тусклой лампочке над дверью, пытаясь разобрать неровные буквы. Кровь бешено стучала в висках.

*Аподидраскинда**.

Детская игра. Прятки. Вызов. *Найди меня, если сможешь.*

Выбросив стакан в ближайшую урну, Лора дернула ручку двери.

* Игра в прятки, описанная греком Юлием Поллуксом (II в. н. э.).

К тому моменту, как Лора спустилась обратно в подвал, она уже успела прийти в себя. Пока она топталась в этой сутолоке, забирала рюкзак и свой сегодняшний заработок у Фрэнки, Майлза нигде не было видно. Вполуха слушая информацию о том, где состоятся бои на следующей неделе, она пересчитывала деньги, чтобы убедиться, что ее не надули. И все это время пыталась не обращать внимания на бешеный стук сердца.

«Он что-то ищет, и я не знаю, связано ли это с тобой».

По телу пробежала крупная дрожь. Лора тряхнула головой, выбрасывая из памяти голос и лицо Кастора, чтобы подготовиться к тому, что должно произойти.

Майлз ждал снаружи. Лоре потребовалось на сборы совсем немного времени, но он успел запыхаться — потому ли, что бегал вверх-вниз по крутой лестнице, или потому, что уже не раз повторил заготовленную речь, а, может быть, и от того, и от другого. Когда Лора вышла на улицу, Майлз застыл и сделал вид, будто все это время залипал в телефоне.

— Не хочешь перекусить «У Марты»?

Такого вопроса Лора не ожидала. И вообще, сейчас она хотела только одного: пойти домой, принять душ и проспаться следующие шесть дней, пока отвра-

тительная охота не подойдет к концу и не начнется следующий семилетний цикл. Но присутствие Майлза действовало на нее успокаивающе.

— Давай, — с наигранной беззаботностью кивнула Лора. Она все еще чувствовала, как на ее коже вспыхивают молнии. — Звучит неплохо.

Майлз вопросительно посмотрел на нее:

— Сегодня точно платишь ты.

— Неужели? — Лора позволила себе погрузиться в комфортное тепло их отношений. — А может, мне похлопать ресницами и поесть вообще бесплатно?

— Скажи, за всю твою жизнь, — начал Майлз, и похоже этот вопрос его действительно интересовал, — у тебя это хоть раз получилось?

— Что-что?! — прищурилась Лора. — Я очаровательна и неотразима.

Она кокетливо заморгала, но опухшее лицо вряд ли добавляло ей очарования. Кроме того оно по-настоящему болело от полученных ударов.

Майлз хотел сказать что-то еще, но передумал.

— Что? — спросила она.

— Все нормально. — Майлз посмотрел на затянутое облаками небо. — Кажется, стоит прибавить шагу, или попадем под душ, который нужен только одному из нас.

Влажный воздух был пропитан вонью из мусорных мешков, ожидавших уборщиков, которые заберут их утром. Мимо пронеслось такси, подняв волну сточных вод. Уже несколько дней шли дожди, и Лора знала, что это надолго.

— Я благоухаю самыми изысканными ароматами «ло-мейн» и пота, — парировала Лора. — О вкусах не спорят, и ты бы уж помалкивал.

Тут она, конечно, перегнула. Майлз относился к своему телу как к произведению искусства. Именно

тело, а не он сам, сообщало окружающим о том, какое у Майлза настроение, рассказывало о его интересах и близких людях. Его кожу украшало множество татуировок: от удивительных цветов и виноградной лозы, обвивающих его торс, до его собственных абстрактных рисунков — изображений горных вершин, глаз и лент всевозможных форм, — значение которых было известно только ему. Самой любимой тату Лоры была простая, набитая хангылем* на шее — за ней стояла особая история. Эти слова повторяла ему бабушка каждый раз, когда Майлз по воскресеньям звонил родителям во Флориду: «С каждым восходом солнца я люблю тебя все больше». Когда он показал ей татуировку, бабушка, конечно, отругала внука и даже сделала вид, что пытается стереть ее пальцем, но весь вечер светилась от гордости.

Они дошли до станции подземки «Канал-стрит», чтобы сесть на поезд линии «А» и доехать до 125-й улицы. Лора уже преодолела половину лестницы, когда раздался шум приближающегося поезда и по вестибюлю пронесся порыв воздуха, предшествующий появлению состава. Она побежала, на ходу вытаскивая из заднего кармана проездной, приложила его к турникету. Майлз, у которого все всегда терялось, застонал, роясь в своем бумажнике.

— Стой! Вот дерьмо... — Майлз снова и снова прикладывал карточку к ридеру, но турникет не открывался.

В половине четвертого утра поезда ходили с увеличенными интервалами, и вагон был полон. Лора удержала закрывающуюся дверь рукой в ту самую

* Фонематическое письмо корейского языка. Его отличительной особенностью является то, что буквы объединяются в группы, примерно соответствующие слогам.

секунду, когда Майлз уже нырял внутрь. Поезд рывком тронулся с места, и Майлз благодарно хлопнул ее по плечу.

— К «Марте», — сказала она. — Хочу есть.

— Такси? — заметил Майлз. — Это удобнее.

— Деньги, — возразила Лора. — На ветер.

На «Коламбус-Серкл» вагон опустел, и прямо перед ними освободились места. Майлз плюхнулся на сиденье и сразу же вытащил телефон. Лора глубоко вздохнула, потирая рукой лоб. Тело наконец могло расслабиться, но в голове царил хаос.

«Он что-то ищет, и я не знаю, связано ли это с тобой».

Охотники в городе. От одного этого было не по себе. Лора знала, что ей следует опасаться Аристоса Кадму — или какое он там божественное имя сейчас носит. Нельзя допустить, чтобы он ее нашел. Поэтому она собиралась рвануть из этого города — подальше от предстоящих сражений и от него самого. От всего, что с этим связано.

Но среди бушевавших в ней эмоций преобладал вовсе не страх. Лора знала, что сможет спрятаться — последние три года ей это отлично удавалось. Ее терзала тревога, от которой она не могла избавиться, сердце сжималось всякий раз, когда перед глазами всплывало лицо Кастора.

«Он жив!» — думала она, все еще ошеломленная этой новостью.

Майлз испуганно вскрикнул, и Лора повернулась к нему как раз в тот момент, когда он закрывал одно из своих приложений для знакомств.

— И как тебе тот парень, с которым ты встречался в пятницу? — поинтересовалась Лора, радуясь возможности отвлечься. — Мне показалось, что он вполне ничего. Как его зовут? Ник?

— Ной, — поправил ее Майлз, закрывая глаза и делая глубокий вдох, как будто набираясь уверенности. — Я проводил его до квартиры и познакомился там со всеми его четырьмя хомяками.

Лора уставилась на приятеля:

— Да ну!

— Он назвал их в честь своих любимых Первых леди*, — страдальчески продолжил Майлз. — У Джеки была шляпа-таблетка из фетра, и когти покрашены лаком. Он заставил меня их кормить крошечными полосками салата. *Латука*, Лора. Салата-латука.

— Умоляю, хватит, — остановила его Лора. — Знаешь, тебе не мешало бы отдохнуть от свиданий.

— А ты как раз могла бы *попробовать*, — заметил он, неловко заерзав на сиденье. — Я не говорил тебе об этом раньше, потому что не хотел совать нос не в свое дело.

— *Но?*.. — вставила Лора.

— Но... — протянул Майлз. — Тот парень и то, как ты на него отреагировала...

Лора крепче вцепилась в ремешок сумочки.

— А как я должна была реагировать, когда он на меня полез?! — возмутилась она. — Придурок заслужил, чтобы ему перекроили физиономию. Может, теперь он задумается, прежде чем так поступать с девушками.

— О, нет, *этот* определенно заслужил, — поспешил добавить Майлз. — Нужно было отлупить его посильнее. Но я говорил о другом парне.

— О другом, — повторила за ним Лора.

— Да, тот парень выглядел так, словно вылеплен из всех моих мальчишеских фантазий, — охотно пояснил Майлз.

* Имеются в виду жены президентов США, в т. ч. Жаклин (Джеки) Кеннеди.

Теплый голос Кастора снова зазвучал у нее в голове: «Ты все еще сражаешься как Фурия».

— И что насчет него? — спросила Лора, выныривая их собственных мыслей.

— Мне показалось, что ты его знаешь, — предположил Майлз.

— Не знаю, — бросила она резко. *Уже нет.*

Чтобы пресечь дальнейшие расспросы, Лора положила голову Майлзу на плечо. Вагон плавно покачивался, это успокаивало. Вскоре она наконец-то смогла вдохнуть полной грудью.

Поезд мчался дальше, к 125-й улице, держась обычного ритма: рывок, остановка. Но Лора слишком боялась закрыть глаза, потому что лицо Кастора, светлое и полное надежды, непременно возникло бы перед ней, увлекая в воспоминания о мире, который она оставила позади.

Когда они наконец вышли из подземки и повернули в сторону закусочной «У Марты», верхний Манхэттен встретил их тишиной.

Когда три года назад Лора переехала на 120-ю улицу, в уютный браунстоун*, принадлежавший Гилберту, Гарлем показался ей чужой страной. Семья Лоры всегда жила в районе Адской кухни**, и причин

* Каменные дома от трех до пяти этажей конца XIX — начала XX вв., разновидность таунхауса. *Brownstone* переводится как коричневый камень, хотя дома могут быть выкрашены в разные цвета.

** Район Манхэттена, также известный как Клинтон, расположенный между 34-й и 59-й улицами, от 8-й авеню до реки Гудзон. Свое название район получил из-за высокого уровня преступности и считался криминальным центром Нью-Йорка в середине 1800-х — конце 1980-х гг. Сейчас это средоточие театральных площадок, модных ресторанов и дорогого жилья.

соваться севернее 96-й улицы у нее никогда не было. Однако со дня гибели семьи уже прошло четыре года, и большую часть этого времени Лора прожила за границей. Три года назад она ходила по городу, испытывая странное чувство — будто пытаешься влезть в свою же старую одежду, которую после тебя носил кто-то другой. И ей эти тряпки больше не подходили. Вроде все то же, но при этом уже не твое.

Однако те три года, что Лора провела здесь, были лучшими, пока полгода назад не умер Гил — переходил улицу и его сбил автомобиль. Первым порывом Лоры было уехать отсюда, но выяснилось, что Гилберт оставил ей дом со всем содержимым. И просто все бросить не вышло.

С другой стороны, этот дом легко можно было бы продать и рвануть куда глаза глядят. Майлз точно согласился бы, даже если ему самому некуда было бы ехать. Но всякий раз, когда Лора всерьез задумывалась об этом, улицы, казалось, притягивали ее и не отпускали: знакомые витрины магазинов, дети, играющие на соседском крыльце, миссис Маркс с ее привычкой каждый понедельник в десять утра мыть из шланга пешеходную дорожку перед домом... Все это успокаивало. И непомерный груз потрясения и горя уже не казался непосильным, грозившим раздавить.

И Лора осталась. Этот суетливый муравейник, в котором проблемы только множились, и она подчас выбивалась из сил, решая их, — этот город всегда был ее домом со своим непростым характером. И она была благодарна ему за то, что он воспитал характер и в ней самой. В самые мрачные моменты жизни только эта стойкость и спасала ее.

А еще Лоре казалось, что новый район сам ее выбрал, а не наоборот. Ей так хотелось ощущать свою принадлежность к чему-то. И Нью-Йорк действи-

тельно был на это способен. Последнее слово всегда оставалось за ним, а того, кто проявлял достаточно терпения, он всегда приводил туда, куда нужно.

Было четыре часа утра, но Лора нисколько не удивилась, когда увидела, что кто-то еще наслаждается трапезой «У Марты» даже в такой мертвый месяц, каким всегда считался август.

— Привет, мистер Эррера! — крикнула она, вытирая ноги о старый коврик.

— Привет тебе, Лорен Перто, — откликнулся тот, откусывая громадный кусок сэндвича.

Лора уже много лет жила под этим именем, но, произнесенное вслух, оно все еще заставляло ее врасплох.

— Как ты, Мэл?

— Под дождь не попала — уже хорошо, — откликнулась Мэл из-за стойки, оторвавшись от своей бухгалтерии. — Вам обоим как обычно?

— Да, мы жертвы привычки, — подтвердил Майлз. — Есть что-нибудь без кофеина?

— Заварю тебе в отдельном кофейнике, — кивнула Мэл. — Взбитые сливки?

— С шоколадной крошкой? — с надеждой спросил он. Судя по вкусовым предпочтениям, Майлз так и не повзрослел — он заказывал десерт после каждого завтрака, обеда и ужина.

— Конечно, милый. — Мэл нырнула в кухню и начала готовить заказ: «Тройная тарелка лесоруба» для Лоры и оладьи с шоколадной крошкой, двойной порцией взбитых сливок и кленовым сиропом для Майлза.

— Что? — удивился Майлз. — И никаких комментариев? Никаких шуток по поводу потребления сахара?

До Лоры не сразу дошло, что он обращается к ней. Все это время она сидела, уставившись в пол.

— У меня заболит живот уже от того, что мне придется на это смотреть. — Лора откинулась на обтянутую винилом стену кабинки. Пульс подскочил, как будто ее застучали за чем-то мерзким.

Майлз пристально посмотрел на нее, но голос его звучал по-прежнему беззаботно:

— И это говорит мне тот, кто ест за троих?

— Здоровый аппетит, — вмешался в разговор мистер Эррера, оплачивая счет, — здоровая девочка.

— Вот именно, — подхватила Лора, с радостью переключаясь на другую тему. — Как поживает мой Красавчик Бо?

Бо, уличный кот, прибился к ним два года назад, заявил свои права на лавочку мистера Эрреры, и теперь чувствовал себя там полноправным хозяином. При первой встрече Лора приняла кота за огромную крысу и всерьез испугалась: не вырвалась ли эта зверюга из преисподней? А теперь поздним воскресным утром Лору можно было увидеть на скамейке у магазина, где она делилась лососем из круассана со своим своенравным приятелем.

— Он съел двенадцать шоколадных батончиков, его стошнило прямо на продукты, а потом он обрушил полку с бумажными полотенцами, — пожаловался мистер Эррера, направляясь к двери. — Теперь придется тащить этого демона к ветеринару.

— Хотите, я присмотрю за магазином, пока вас не будет? — предложила Лора.

Она всегда делала это с удовольствием. Особенно ей нравилось затишье после утреннего часа пик, когда клиенты приходили за кофе, — она могла спокойно посидеть с книжкой, пока не настанет время ланча и не нагрянут покупатели, чтобы уничтожить запасы готовых сэндвичей и суши.

— В этот раз не нужно. Мой племянник здесь. Не хочешь познакомиться? Он на год младше тебя, умный мальчик...

— А он умеет стирать? — с озабоченным видом уточнил Майлз. — Или готовить? Лоре нужен тот, кто восполнит пробелы в ее жизненных навыках.

Мистер Эррера расхохотался и, махнув рукой, пошел открывать лавку. Лора и сама не понимала, зачем предложила помощь, зная, что, скорее всего, сегодня же уедет из города. Появление Кастора и это его предупреждение... Она должна исчезнуть немедленно, должна бросить все.

Поежившись, Лора потеряла руки в тех местах, где их сжимал Кастор, и с удивлением обнаружила, что несмотря на то, что ее бил озноб, кожа там оставалась теплой. Она просто не была готова... увидеть *его*. Во плоти. Его знакомый ласковый взгляд. Его рост. Его невероятная сила. То, как он улыбнулся ей.

— Лора... — позвал ее Майлз и повторил, уже настойчиво: — *Лора*.

Она снова подняла глаза.

— Что?

— Я спросил: это из-за денег?

Лора в замешательстве уставилась на него.

— Что из-за денег?

Майлз смотрел ей прямо в глаза.

— Если это так, я могу платить тебе за аренду. Но я думал, Гилберт оставил тебе и деньги?..

Гилберт, воплощение исключительной, иногда чрезмерной доброты, обожал сюрпризы. И остался верен себе даже после смерти, оставив обоим своим «почетным внукам» щедрую сумму денег. Но Лора к ним так и не притронулась; взяла немного на обслуживание дома, и все. Ей казалось неправильным использовать эти средства для чего-то другого.

— Это деньги Гила, — напомнила Лора.

Майлз понял намек.

— Ну, ты могла бы стать бариста на неполный рабочий день, как все делают. Что-то вроде обряда перехода к взрослой жизни. А еще ты могла бы давать платные уроки самообороны.

Лора покачала головой, пытаясь распутать клубок чувств и мыслей и вытянуть из него нить их беседы.

— Я не собираюсь брать деньги с тех, кто хочет научиться защищать себя, — сказала Лора, понизив голос. Хозяин спортзала на 125-й улице разрешил ей пользоваться его тренажерами, когда бегать на улице становилось слишком холодно, в обмен на бесплатные уроки, и этого было более чем достаточно. — И дело не в деньгах.

— Точно? Весь последний год ты постоянно используешь одни и те же три грязных «зиплока»*, — заметил Майлз.

Лора подняла палец.

— Они не грязные, потому что я мою их каждый раз. А что *ты* делаешь для защиты окружающей среды?

Брови Майлза поползли выше. Он изучал курс «Устойчивое развитие городов» в Колумбийском университете, и летом как раз проходил стажировку в городском совете.

— Можешь не отвечать, — бросила Лора. Она терпеть не могла, когда Майлз слушал ее с выражением подчеркнутого сострадания и глубокого понимания на лице. — К тому же, — добавила она, — у меня есть работа. Я же комендант, ты не забыл?

Сначала Гилберт нанял Лору в качестве сиделки с проживанием, но когда она поменяла батарейки в детекторе дыма, ее функции расширились, что

* Полиэтиленовые пакеты с застежкой-«молнией».

красноречиво свидетельствовало о его уровне технических знаний.

— Кстати, *комендант*, может, до наступления зимы найдешь время починить окно в моей комнате?

Лора нахмурилась, приглаживая копну кудрей, в которые дождь превратил ее волосы.

— Ладно, дело и в деньгах, — призналась она, — но и в других вещах тоже.

— Это связано с Гилом? — напирал Майлз.

Лора вытащила из кармана порванную цепочку и стала разглядывать ее. Без этого украшения шея казалась чужой. Лора получила этот подарок от Гилберта три года назад, на свой первый день рождения после возвращения в Нью-Йорк, и с тех пор ни разу не снимала.

«Перо, упавшее с крыла, не потеряно, — сказал ей тогда Гил, — оно свободно».

Украшение каждый день напоминало ей о том, что она обрела, получив эту работу. Лора должна была ухаживать за Гилбертом, после того, как тот упал и сильно покалечился, и стало ясно, что один он больше жить не может. Но Гилберт сделал для нее неизмеримо больше. Он стал другом, наставником и постоянным напоминанием о том, что не все мужчины так суровы и жестоки, как те, среди которых Лора выросла.

— Прошло уже несколько месяцев... — начал Майлз.

— Шесть, — оборвала его Лора.

— Шесть, — кивнул Майлз. — Вообще-то, мы не так часто говорим об этом... — Лора хотела возразить, но он остановил ее жестом. — Я лишь хочу сказать, что я здесь, рядом, и всегда готов поговорить о нем.

— Ну, а я нет, — ответила Лора.

Гилберт как-то сказал, что бывают ситуации, когда нужно отталкивать от себя все плохое, пока оно

не оставит тебя в покое навсегда. Когда-нибудь она перестанет чувствовать такую боль от потерь.

— Знаешь... — В голосе Майлза зазвучали знакомые интонации.

— Учиться я не собираюсь, — напомнила она ему в сотый раз. — Похоже, и тебе учеба не особо нравится.

— То, что тебе *нужно*, необязательно должно тебе *нравиться*, — заметил Майлз.

— Необязательно заниматься тем, что тебе не нравится, — парировала Лора.

Майлз разочарованно вздохнул.

— Просто я считаю... что бы с тобой ни случилось, ты должна думать о будущем. Иначе прошлое будет висеть на тебе цепями.

Лора сглотнула, но не смогла избавиться от комка в горле.

— Как ты вообще узнал об этих боях? Ты что, следил за мной?..

— Накануне вечером я встречался с школьным приятелем, и он завел разговор о каком-то суперсекретном ринге, где творится полное безумие, и упомянул о девушке со шрамом на щеке, от глаза до подбородка. И я сказал: «Вау! Похоже, это моя подруга Лора...».

Лора инстинктивно потерлась щекой о плечо. Тонкий шрам за эти годы так и не исчез.

— Надеюсь, это не тот парень, которого я побила? — уточнила она.

— Нет, но, *ох*, это было потрясающе... и в то же время пугающе. Никогда в жизни не переживал ничего подобного, — признался Майлз.

Его телефон пронзительно зазвонил, и они оба вздрогнули.

— Это что, будильник? — спросила Лора, прижимая руку к груди. Они много лет жили в одном доме, но такие жуткие звуки еще не терзали ее уши.

— Вроде того, — хмыкнул Майлз, а затем ответил на звонок: — Мам, ты чего вскочила в такую рань? Сейчас, вообще-то, четыре утра... Тебе *не нужно* распечатывать эти формы сейчас. Напиши себе записку, чтобы сделать это в нормальное время... Нет, *ты* возвращаешься в постель... Ну, если бы я спал, ты бы меня уже разбудила... *Мам*. Иди, ложись!

Приглушенная речь миссис Юн звучала так энергично, словно эта беседа происходила не в несусветную рань. Лора наблюдала за тем, как Майлз закрыл глаза и сделал вдох, набираясь терпения.

— Угу. Хорошо. Ты проверила все провода, верно? — спросил он. — Убедилась, что они не отсоединились?

Майлз бросил на Лору виноватый взгляд, но разве она была против? Это было так мило. Воспользовавшись паузой, она попыталась представить себе детство этого маленького гота среди пальм и буйства красок Флориды. Майлз рос единственным ребенком в семье, и у этого были... последствия. Например, *вот такие*.

Майлз снова глубоко вздохнул.

— Ты точно включила принтер? Кнопка должна светиться.

В ответ раздался смущенный смех миссис Юн и ее любящее:

— Спасибо, Майкл.

Майлз нервно прижал руку ко лбу. Интересно, что так вывело его из себя? Имя, которым его называли только родные, или звонок в четыре утра? Потом он по-корейски и по-английски сказал маме, что любит ее, и нажал отбой.

— Когда я в прошлом месяце ездил домой, мама поменяла рингтон, — объяснил Майлз. — Решила, что я не отвечаю на ее звонки, потому что прежний был слишком тихий.

Лора улыбнулась, хотя ее сердце сжалось. По таким звонкам начинаешь скучать, только когда они прекращаются.

— Ей просто хочется услышать твой голос.

«Она хочет, чтобы ты ее не забывал», — подумала Лора. Ее мысли заметались, она больше не могла их контролировать. Мир вокруг погрузился во мрак, и лицо Кастора в пляшущих тенях осталось единственным, что она видела.

— Эй! — Голос Майлза проник в ее видения. — С тобой все в порядке?

— Все просто отлично, — заверила Лора.

Она будет в порядке. Ради него. Ради себя. Ради Гилберта.

— Ну что, выдвигаемся? — спросила она, когда Мэл вернулась с кухни с их заказами.

— Обещай, что с тобой ничего не случится! — Майлз поймал Лору за руку, прежде чем она успела ее отдернуть. — Неважно, зачем тебе нужны эти бои, я просто не хочу, чтобы ты пострадала.

«Слишком поздно», — подумала Лора.

Они вынырнули обратно в тусклый уличный свет, сжимая в руках пакеты с завтраком и кофе. Гроза закончилась, но воздух был еще влажным. Нью-Йорк — одно из немногих мест в мире, которое после дождя выглядит еще грязнее, но Лоре это нравилось.

По дороге домой она решила, что предупредит Майлза о том, что планирует уехать на несколько дней. Возможно придется пересаживаться с автобуса на автобус и ночевать в лесу, где никто не сможет ее найти...

Но в тот момент ее манила постель. Они брели по своей сонной улице, Лора взяла Майлза под руку.

Тот мурлыкал незнакомую мелодию, которая отвлекла Лору и позволила ни о чем не думать. Они были всего в квартале от дома, когда Майлз вдруг застыл и резко потянул ее назад.

— Что? — дернулась Лора.

Они стояли у магазина «Деликатесы Мартина» — Лору перестали туда пускать после того, как она пожаловалась на их позорно несвежие бейглы. Майлз не сводил глаз со стены, потом наклонился и провел пальцами по темному пятну на ней. Лора в ужасе оттащила его от стены.

— Не пора ли освежить в памяти правила жизни в Нью-Йорке? Первое — не брать ничего из того, что пытаются всучить на Таймс-сквер; второе — не прикасаться к таинственным веществам на земле и стенах...

— Кажется, это кровь, — перебил ее Майлз.

Рука Лоры разжалась.

Майлз завертелся на месте, осматривая тротуар.

— Ничего себе. Да она тут повсюду...

Так оно и было. Поначалу Лора приняла брызги на асфальте за капли дождя, но теперь, когда с небес снова обрушились потоки воды, ясно увидела, как в канаву по желобу стекает темная кровь.

Майлз рванулся вперед, озираясь по сторонам в поисках истекающего кровью человека. Схватив его за рубашку, Лора заставила друга притормозить, сунула ему свой пакет с едой и кофе, и вытащила из кармана складной нож, который всегда носила на цепочке с ключами.

— Держись позади меня, — приказала она.

Они словно выслеживали раненого зверя. Похоже, человек шел, шатаясь и опираясь то на уличный фонарь, то на перила, то на припаркованную машину. Лора с нарастающим ужасом поняла, что они направляются в сторону своего дома.

Когда они почти подошли к нему, Лора крепче сжала нож в руке. Кровавая дорожка вела к их двери и веселым цветочным горшкам, которые Гилберт расставил на ступеньках.

Майлз ахнул, и Лора проследила за его взглядом. Привалившись к крыльцу, возле пустых мусорных баков сидела женщина. Ее небесно-голубые одежды промокли от дождя. Лора почувствовала, как воздух начинает сгущаться, как перед ударом молнии.

— Покажи свои руки, — выдавила Лора, поднимая свой жалкий клинок.

Глаза богини были цвета жертвенного дыма, в радужках светились золотые искорки, похожие на тлеющие угольки — единственный признак угасающей божественной силы.

Ее называли сероглазой богиней, но теперь Лора понимала, что это не из-за цвета глаз — когда богиня пристально смотрела на кого-то, как сейчас на Лору, открывался ее истинный возраст. Войны, цивилизации, монстры, смерть, технологии, открытия — эти глаза наблюдали за мелькающими тысячелетиями, отмечая их так же, как Лора, не задумываясь, отмечала еще один прошедший час.

Пряди темно-золотых волос рассыпались по лицу богини. Но даже сейчас, когда она оказалась в таком ужасном положении, ее открытое и смелое лицо, совершенное в своей симметрии, выглядело безупречно.

Богиня с трудом выпрямилась, убирая ладонь с того места на бедре, которое она зажимала. Рука упала на колени, длинные изящные пальцы изогнулись, словно когти. Ладонь была пуста, но выпачкана кровью.

Глядя на богиню, Лора и сама опустила руку с ножом.

Богиня наклонилась вперед, и из раны в ее боку хлынула горячая кровь. В ноздри ударил металличе-

ский запах. Рана слишком широкая для стрелы или пули, с рваными краями. Значит, клинок. Рассуждая логично и хладнокровно, Лора постоянно ловила себя на мысли, что происходящее ей только снится.

— Похоже, кто-то тебя вычислил, — произнесла она сдавленным голосом. — Не повезло с приземлением?

— *Помоги мне.*

Лора вздрогнула. Смерть подступила совсем близко, но каждое слово богини звучало, как удар меча о щит. Эти звуки мощной волной прокатились по телу Лоры, и каждый волосок на ее теле встал дыбом. Она так давно не слышала чистого древнего языка, что даже не сразу поняла сказанное.

Когда же смысл наконец дошел до нее, Лора смогла лишь тихо прошептать:

— Что ты сказала?

Взгляд богини стал рассеянным, стальная твердость уходила из него. Она снова прижала руку к ране, но теперь в ее лице не было страха, только горькое недоумение. Она опять заговорила. Слова давались ей с трудом, но приказ эхом отозвался в душе Лоры.

— Позаботься... обо мне... смертной.

Сероглазая Афина рухнула на землю и потеряла сознание.

— *О боже!*

Испуганный вопль Майлза вывел Лору из оцепенения. Когда она повернулась к нему, на его лице уже лежал отсвет мобильного телефона. Дрожащими руками Майлз набирал номер.

Лора вырвала телефон у него из рук и успела нажать отбой.

— Что ты делаешь?! — закричал он. — Ей нужна помощь! Мэм?! Мэм, вы меня слышите?

— Прекрати! — остановила его Лора. — И говори тише!

— Ты ее знаешь? — Майлз казался обезумевшим. Еще немного, и он вцепится себе в лицо. — О нет, кровь!.. Я просто... — Он начал давиться и кашлять в кулак.

Пытаясь найти объяснение, Лора выпалила первое, что пришло на ум:

— Я... да, я ее знаю. Она... она тоже боец.

— Ей нужно... — Майлз снова закашлялся. — Извини... Я просто... В больницу! Ей нужно в больницу. И надо сообщить в полицию.

Лора выругалась. Ее мозг лихорадочно перебирал варианты. Если отвезти Афины в больницу, полиция захочет допросить ее, Лору. Ее имя и, возможно, фотография попадут в систему. А кланы

всегда отправляют как минимум пару охотников дежурить в приемном покое. Кто-нибудь наберет 911, и богиню доставят прямо к ним в лапы. Но, вообще-то, Афина уже и так наследила, ее запах и кровь приведут ищеек в убежище Лоры. Майлз тоже может пострадать, а ведь он вообще ни при чем... Эта мысль, наконец, и вывела Лору из оцепенения. Заставила действовать.

Она прижала пальцы к шее богини, чтобы проверить пульс. Божественный иخور пока оставался красным, как человеческая кровь, и скапливался вокруг кроссовок Лоры. «Вот дерьмо», — подумала она, впервые за много лет чувствуя беспомощность. Придется спрятать Афину в доме. И как можно скорее.

— Никакой полиции! — выпалила Лора. — Она... у нее нет страховки. — Лора надеялась, что теперь Майлз перестанет задавать вопросы. — Можешь отпереть дверь и помочь мне занести ее внутрь?

Лора попыталась подsunуть руку под шею Афины. Даже в образе смертного богиня была почти двух метров ростом. От дождя и крови ее тело стало мокрым и скользким. Они с трудом втащили ее в холл и уложили на черно-белую плитку пола. Оставив Майлза с Афиной, Лора помчалась наверх, достала из бельевого шкафа темные простыни и полотенца и сбросила их вниз.

Спустившись обратно в холл, Лора захлопнула ставни эркерного окна, превращая помещение в крепость, а Майлз включил свет.

В экране телевизора, висевшего над камином, все отражалось как в черном зеркале: Лора отодвинула в сторону кофейный столик, Майлз расстелил простыни, и Лору вдруг пронзила мысль, что она схватила белье, которое принадлежало Гилберту.

— Что происходит?! — восклицал Майлз, когда они переместили тело богини на простыни. — Лора, я серьезно, что, черт возьми, происходит?

Богиня застонала. Взгляд Лоры метнулся в сторону парадной двери: порог и пол были вымазаны кровью. Похоже, у них еще одна очень большая проблема.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал, — быстро проговорила Лора, опускаясь на колени возле Афины. — Сходи к мистеру Эррере и попроси у него отбеливатель. Возьми как можно больше, сколько есть... Постой. Нужен не обычный отбеливатель, а кислородный, если только у него такой есть.

— Кислородный... что? — растерянно переспросил Майлз.

— Кислородный отбеливатель, все, что у него есть, — медленно повторила Лора. — Скажи, чтобы записал на мой счет.

— А что, в магазинах записывают на счет? — удивился Майлз.

— Иди. — Лора указала ему на дверь. — И поторопись.

Майлз выглядел настолько ошарашенным, что даже не стал возражать. Снова закашлявшись, он перепрыгнул через лужу крови, и дверь за ним захлопнулась.

Привычные запахи лаванды и дерева, наполнявшие дом, растворились в горячем зловонии крови. Лора перевернула богиню на спину, разорвала тунику, чтобы увидеть рану, и кровь залила ее пальцы.

— Проклятье, — прошептала она, чувствуя, как сводит живот.

Печень и почка были проколоты. Знакомый почерк: такие профессиональные раны наносили

*леайны** — молодые женщины, которых посылали охотиться на богов. Раненую добычу они доставляли главе клана, и тот добивал жертву.

Лора прижала к ране полотенце, пытаясь остановить поток крови.

— Очнись. Очнись!

Глаза Афины под опущенными веками закатились. Делать было нечего, и Лора вlepила богине пощечину. Серые глаза распахнулись и заморгали.

— Я бы извинилась, — пробормотала Лора. — Но ты это заслужила.

Воздух в легких внезапно стал обжигающим. Лору поразил страх, который она вдруг почувствовала, и вспышка сожаления в тот момент, когда она ударила богиню. Искры властности полыхнули во взгляде Афины, и ненависть к старым богам, которую в Лоре воспитывали годами, вдруг угасла совсем.

Можно сколько угодно убеждать себя в том, что перед тобой жертва, пока она не повернется к тебе и не покажет зубы.

Богиня зашлась влажным кашлем, ее голова перекатывалась из стороны в сторону. Даже когда она была в смертном обличье, в ней проступало нечто отстраненное, чужеродное. Тело казалось уродливым сосудом. Изваянным для того, чтобы быть разрушенным.

Лора прижала руки к коленям, пытаясь унять произвольную дрожь. Она бы не стала убивать богиню. Ей не нужна божественная сила. Она вообще хотела оставаться как можно дальше от всего этого.

* *Leaina* — в переводе с греческого означает «львица». Предположительно реально существовавший исторический персонаж, гетера, афинянка, которая предпочла смерть предательству, откусив себе язык перед пытками. В честь нее на Акрополе была установлена статуя львицы без языка.

— Плохо тебе, да? — спросила Лора. Дикое безрассудство вдруг вытеснило в ней страх. — Чертова смертность. Какой облом. Рискну спросить, кто это тебя так?

Подготовка к этому финалу заняла более тысячи лет. Афина пережила двести одиннадцать циклов Агона, но двести двенадцатый стал для нее последним. Ее медовая кожа побледнела — смерть неумолимо забирала свое. Афина, Гермес, Артемида и, может быть, Аполлон — последние из изначальных богов, на которых шла охота во время Агона. Афина была недостижимой мишенью. Слишком сильная, слишком быстрая, слишком умная.

До этого момента.

Они изучали друг друга. Если Афина пыталась оценить достоинства Лоры, ее силу, то Лора сразу сказала бы ей, что это уже никого не должно волновать. Она могла объяснить это, используя немало красивых слов, чтобы польстить богине, потакавая ее тщеславию и гордости, но не стала напрягаться.

— Я вышла из игры. И не позволю тебе или кому-либо еще втянуть меня обратно.

Богиня пристально смотрела на нее, суровая линия ее рта застыла. Лора ничего другого и не ожидала — Афину не согнуть, она, как клинок, будет держаться до последнего или сломается.

— Я знаю, что ты говоришь на этом языке, — сказала Лора, отказывая богине и в этом.

Древний язык был смесью многих древних диалектов, которые позже превратились в современный греческий. Однако Афина изъяснялась на идеальном, изначальном наречии.

— С какой бы целью ты не явилась, здесь тебе искать нечего, — снова заговорила Лора. — Если это уловка, и тобою движет жажда мести, ты опоздала.

Все остальные, кто носил то же имя, мертвы. Я — последняя из Персеидов. Дом Персея канул в Лету.

Выражение лица Афины подсказало Лоре, что богине известно, кто она такая. И в этот момент Лора по-настоящему испугалась. Она давно перестала верить в богинь судьбы*, как и старухам, которые продолжали им поклоняться. Но все происходящее не тянуло на простое совпадение, особенно после предупреждения Кастора.

Позаботься обо мне, сказала богиня. Помоги мне.

— Ты нашла меня. — Лора была довольна, что ее голос не дрожит. — Скажи, чего ты хочешь, и побыстрее. Знаю, это непросто, но твое время подходит к концу, а в мои планы на это утро не входит игра в гляделки с божеством. Может, начнем с главного: кто пытался тебя убить?

Афина посмотрела ей прямо в глаза.

— Моя сестра, — слабеющим голосом выговорила она.

Лора похолодела от ужаса.

— Артемида?!

Богиня нахмурилась. Другая ее сестра, Афродита, была убита сто лет назад, и родился новый бог, наделенный ее силами. Он продержался всего один семилетний цикл и был убит охотником. Такие вот состязания, а в качестве эстафетной палочки — с бессмертная сила, переходящая от клана к клану.

— Я думала, вы всегда держались вместе, — недоумевала Лора. — Что случилось с вашим маленьким, но забавным альянсом, который всех держал в страхе?

— Она... обратилась против меня. — Афина снова прижала ладонь к ране. — Меня предали. Самозванец

* В древнегреческой мифологии три богини Мойры определяли судьбу человека. Даже боги были не властны над их решениями.

Арес... он... пришел за мной... после Пробуждения. Артемида подставила меня, сама сбежала.

— Жестоко, — заметила Лора, оценив изобретательность ее сестры. — Даже для нее.

— Альянсы рождаются из нужды... разрываются из-за страха... — Богиня с трудом подбирала слова. — Сейчас... нужна... защита. Пока я... не исцелюсь. Свяжи свою судьбу... с моей.

Свяжи свою судьбу с моей. Лора содрогнулась.

— С чего бы я стала это делать, — фыркнула Лора, — если могу просто сидеть и смотреть, как ты умираешь?

Несмотря на временную потерю бессмертия, боги сохраняли частицу своей мощи, чтобы защитить себя. На пике расцвета их истинные силы безграничны, а то, чем они владели, оказавшись в человеческом теле, было жалкой пародией на бывшее могущество. И, что еще хуже, только Аполлон вроде бы сохранил дар исцеления себя и других. Афина, возможно, превосходила физической силой остальных восьмерых богов в Агоне и по-прежнему могла стирать целые здания с лица земли, но сейчас это ей ничем не помогало.

На крыльце послышались быстрые шаги Майлза. Лора вскочила, бросив на богиню тяжелый взгляд. Афина напряглась от такой дерзости.

— Когда он войдет, ни слова, — предупредила ее Лора. — Притворись, что спишь.

— Не оставляй меня, — слабым голосом произнесла Афина. — Я запрещаю.

— Хорошо, а я запрещаю тебе умирать прямо сейчас, — отрезала Лора, и ее сердце забилося сильнее. — Нужно все убрать, пока ищeyки не учуяли твой след и не привели сюда охотников.

Взгляд Афины блеснул.

«Черт», — с тоской подумала Лора. Даже истекая кровью, теряя сознание, богиня никогда бы не упустила такую важную стратегическую деталь, если бы не находилась в абсолютно отчаянном положении.

Дверь распахнулась.

— Я принес!

Ноздри богини раздулись, но она послушно закрыла глаза.

— Спасибо. — Лора поблагодарила Майлза. — А теперь иди наверх и ложись спать.

— Э-э... что? — удивился Майлз, намереваясь выйти за ней обратно на улицу. — Что ты собираешься делать?

— Отмыть крыльцо и все вокруг, пока кто-нибудь не заметил кровь и не вызвал полицию, — объяснила Лора. — Иди к себе.

Майлз покосился на расprostертую на полу Афины.

— Слушай меня, — процедила Лора стальным голосом. Майлз вздрогнул, но ей было не до сантиментов. Ее друг понятия не имел, во что его втянули. — Иди наверх. Не открывай дверь. Если заметишь снаружи кого-нибудь подозрительного, позвони мне.

Не собираясь больше тратить драгоценное время на объяснения и поток новых вопросов или возражений, Лора молча открыла дверь. Сбежав по ступеням у парадного входа, она обогнула дом и направилась к входу в квартиру, расположенную в бейсменте*, которую использовали как склад. Времени почти не оставалось. Сквозь завесу облаков уже прогля-

* Полуподвальное помещение с окнами, в США часто используется как отдельное жилое.

дывало солнце, скоро оно встанет, а с ним и жители Нью-Йорка.

Лора вылила две бутылки кислородного отбеливателя в ведро и, воспользовавшись соседским шлангом, развела водой. Потом схватила щетку с железной щетиной и принялась что есть сил оттирать лужу крови возле мусорных баков. Подстегиваемая страхом, что ее заметят, она скребла, пока не закружилась голова, а руки не начало разъедать химикатами.

Выливая окровавленную воду из ведра в сточную канаву, Лора вдруг окаменела... глядя, как потоки дождя стекают по тротуару в ливневую канализацию.

Мало того, что тяжелый запах крови и особый запах богини скрыть почти невозможно, так теперь она сама пропиталась и тем, и другим. Оставался единственный выход — запутать охотников слишком большим количеством следов и надеяться, что они собьются с ног, прежде чем найдут дорогу к их дому и к Майлзу.

И Лора двинулась обратно по следам Афины, оттирая тротуар. Она решила хорошенько побродить по другим районам, разбрызгивая там и тут окровавленную воду из ведра.

Наконец, оказавшись возле Центрального парка, она стащила с себя грязные кроссовки и носки. Перспектива возвращаться домой босиком по грязному, потрескавшемуся асфальту вызвала отвращение, но она поспешила обратно, стараясь не думать о том, что предстояло сделать. Она петляла по улицам, выбрасывая по одной кроссовке, по одному носку в попадавшиеся по дороге мусорные баки и урны.

Приближаясь к дому, Лора швырнула ветровку в кузов ползущего мимо мусоровоза и напоследок зачихнула джинсы и рубашку под шасси двух разных

грузовиков доставки, стоявших у магазинчика мистера Эрреры.

Вместо того чтобы войти в парадную дверь, Лора вошла в дом через бейсмент. Сандаловый запах одеколona Гилберта витал повсюду, смешиваясь с легкими запахами плесени и пыли. Отставив в сторону коробку с его галстуками-бабочками на каждый праздник, Лора порылась в контейнерах, где было свалено разное барахло, и нашла старые шорты и футболку.

Натянув их, Лора запихнула грязную одежду в пакет для мусора и постаралась выровнять дыхание. Через некоторое время привычный запах дома вытеснил химическую вонь, забивавшую ноздри, а паника опять сменилась злостью.

Поднявшись по внутренней лестнице, Лора вернулась в тишину первого этажа. Напряжение немного спало, и, оглядевшись, она расплылась в улыбке: Майлз отмыл коридор, выключил свет в гостиной и оставил стакан воды и пузырек с аспирином возле Афины.

«Очень кстати», — признала Лора. Без Майлза было бы гораздо тяжелее.

Она посмотрела в сторону входной двери: Майлз не просто ее запер, но и подпер ручку спинкой стула. Хотя это не помешало бы охотникам заложить взрывчатку и разнести переднюю часть дома.

Услышав шаги, Афина повернула голову. Глаза ее были открыты и светились в полумраке. Рука прижимала к ране полотенце.

Воздух вокруг нее был неподвижным, тишина — неестественной...

— Полагаю, ты хочешь, чтобы я защитила тебя и спрятала от тех, кто с радостью убил бы и меня, — прошептала Лора. — Поэтому и пришла сюда, не так ли?

Афина слегка кивнула.

— А что это даст *мне*? — Лора сделала еще один шаг. — С тобой такое впервые, да? Но, даже если ты исцеляешься быстрее, чем обычный смертный, шансов у тебя немного. Так с чего бы мне связывать свою жизнь с той, кто может не протянуть и нескольких часов, не говоря уже о днях?

— Я слышала о том... что с тобой произошло... — произнесла Афина. — Все эти годы... искала... тебя...

Кожа Лоры покрылась мурашками. В конце каждого Агона боги, новые и старые, вновь обретали бессмертие, но оставались в мире смертных и не могли вернуться в свой Дом.

Новые боги, полные силы, выбирали физическую форму и жили в роскоши, снова и снова перекраивая устройство мира, чтобы пополнять хранилища своих смертных кланов. Но старые боги, чья сила убывала, предпочитали оставаться бестелесными. Так их нельзя было поймать, когда они странствовали по миру, планируя свои действия во время следующей охоты, или обдумывая месть тем, кто пытался их убить. Поэтому-то — из-за постоянной угрозы со стороны старых богов, — охотники всегда носили маски.

— Ты искала меня? — удивилась Лора. — Зачем?

— Я верила... что смогу... убедить тебя помочь мне... Я слышала твое... имя... от других семей... Твоя семья... убита. Мать... отец... сестры. — Афина тяжело дышала. — Одни говорили, что ты... пропала. Другие считали... мертвой.

У Лоры перехватило горло.

— Что ты об этом знаешь? — с трудом выговорила она.

Афина снова посмотрела на нее, на этот раз торжествуя.

— Я знаю... кто их убил.

Воспоминания, мучительные и реалистичные, поднялись в душе, прорываясь сквозь все выстроенные барьеры. Лора снова видела дверь их квартиры, когда подошла к ней тем утром. Слышала леденящую тишину внутри. Ощущала запах крови.

Она сделала глубокий вдох и с силой нажала ладонями на глаза, пока яркие цветные пятна не заплясали под веками. Ей удалось сойти с темной тропы, на которую она опять ступила, но лишь на мгновение. Удивительно, как она не сорвалась, когда сказала:

— Я уже знаю, кто их убил. Аристос Кадму из Дома Кадма.

Новый Арес, рожденный в последнем Агоне.

— Возможно, он... приказал их убить... но кто держал клинок? — настаивала Афина. — Не он. Он был всего лишь новорожденным богом...

Тело Лоры напряглось так, что стало больно.

— Это не имеет значения. Он отдал приказ. Аристос Кадму был главой своего клана, а потом стал их богом. Они все несут ответственность, все до единого — мужчины, женщины, дети, преклоняющие перед ним колени. Но только у него была власть это сделать.

Клан подчинился его приказу, и ее родители и обе сестры были убиты с такой жестокостью, что Кадмидам пришлось не одну неделю отмывать квартиру в попытке скрыть улики. В конце концов им все равно пришлось уничтожить следы преступления огнем. По мнению Департамента полиции Нью-Йорка ее семья сама устроила пожар из-за спора об аренде, а потом покинула город, и больше их никто не видел.

Никто из Дома Кадма не взял на себя ответственность за преступление. Никто и не собирался этого делать. Много веков назад охотники поклялись на крови никогда намеренно не убивать охотника из другого клана, пока длился очередной семилетний цикл. Только так удавалось сохранить мир.

С семьей Лоры разделались на следующее утро после завершения Агона, хотя клятва должна была их защитить. Кадмиды нарушили священный обет, но ни один другой дом не был настолько силен, чтобы бросить им вызов, и ни один из богов не внял ее молитвам.

— Почему ты... не отомстила за них? — задыхаясь, продолжала Афина. — Все эти долгие годы... ты ничего не делала... Ты... не признаешь свою... Мойру... Ты никогда не искала... *пуане*... только опустилась... *эйдос*...

Лора опустилась на пол — у нее подкосились ноги. Она обхватила себя руками, борясь с тяжестью в груди. *Ее Мойра* — ее участь, ее судьба.

— Эти слова сейчас ничего для меня не значат, — хрипло произнесла она.

Но слышать их было так же больно, как беречь старые раны.

Пуане. Возмездие.

Эйдос. Стыд.

Жизнь без совершенства *арете** и заслуженного *тимэй*** . Жизнь без завоеванного *клеоса**** .

— Я была всего лишь маленькой девочкой. — Лора едва слышала свой голос. — Они бы и меня убили. Я была недостаточно сильна, чтобы бороться с ними. И я знала, что никогда не смогу добраться до него, тем более после того, как он вознесся.

Все это время она убивала, чтобы не быть убитой. Передвигаясь пешком, по воде и по воздуху, мечтала вернуться в город, где выросла. Она сбегала из лабиринта клятв, придуманных, чтобы удерживать ее в ловушке, пока не настанет день, когда Агон призовет ее пожертвовать последним ударом сердца.

Но Лора не сделала ничего, чтобы отомстить за свою семью.

Губы Афины скривились.

— Оправдания... Ложь, которой ты себя утешаешь... Ты никогда не была... всего лишь... *маленькой девочкой*. Я слышала... как о тебе шептались... говорили, что ты была лучшей в своем поколении... и как жаль... что ты рождена в другом клане...

— Ты лжешь, — пролепетала Лора, не в силах сдержать дрожь. Много лет назад подобные слова значили бы для нее все — так она жаждала признания от тех, кто отказывал ей в этом.

— Спартанцы... называли тебя... — выдохнула Афина, — маленькой Горгоной... Я искала тебя... выбрала тебя... зная твои способности... зная, что ты больше не охотник... Но ты... никогда не была сла-

* Термин древнегреческой философии, означающий «добродетель», «доблесть», «достоинство» или «превосходство».

** В переводе с древнегреческого «поклонение», которого удостоивались боги и божества.

*** В переводе с древнегреческого «слава».

бой... бессильной... Поэтому я хочу знать... почему ты ничего не сделала... чтобы отомстить за свою семью?

Лора прижала руки к груди, загоразиваясь словами Гилберта, выставляя их как щит. Но чем можно защититься от правды?

— Это не так... Ты не поймешь. Единственное, что имеет значение в этом мире — это то, что ты можешь сделать для других. Как можешь о них позаботиться.

Богиня насмешливо фыркнула.

— Все, что знаешь ты, — продолжала Лора, презиравая себя за срывающийся от волнения голос, — все, что тебя когда-либо волновало — это власть. Тебе не понять, как можно желать чего-то другого. Если я скажу, что мне не нужна его сила, ты не поверишь. А я не хочу участвовать в этой отвратительной игре.

— Тогда чего же... ты хочешь? — спросила Афина.

Слова вырвались с яростью и болью:

— Быть свободной!

— Нет, — с трудом произнесла богиня. — Дело не в этом. В чем ты... отказываешь себе?

Видение вспыхнуло в ее сознании, яркое и чистое, но Лора покачала головой.

— Лги... себе... но не мне, — сказала Афина. — Ты знаешь... что никогда не будешь... свободной, пока тени твоей семьи... страдают и блуждают... И они никогда не упокоятся, пока он жив.

Лора прижала кулаки к глазам, пытаясь найти слова, чтобы возразить.

— Ты отрицаешь свое наследие... Ты отрицаешь честь... Отрицаешь своих предков и богов... Но этого ты не можешь отрицать, — не унималась Афина. — Потому что это — истинно. Скажи мне... чего ты хочешь.

Правда наконец вырвалась из клетки.

— Я хочу убить его!

Лора годами хоронила в себе это признание — загоняла правду как можно глубже. Все ради того, чтобы быть достойной новой, подаренной ей жизни. Она стыдилась не того, как сильно хотела этого или как часто мечтала о смерти убийцы. Но Гил дал ей второй шанс, и Лора не могла отплатить за это неблагодарностью.

— Но я не могу, — продолжала Лора сквозь боль, сковавшую ее горло. — Даже если бы мне удалось подобраться к нему достаточно близко, убить Аристоса — означает забрать его силу. А я не хочу быть богом. Я просто хочу жить. Я хочу знать, что моя семья... покоится в мире.

— Тогда я убью его за тебя.

Лора непонимающе уставилась на богиню.

— Я убью лже-Ареса от твоего имени, — заявила Афина, с трудом делая новый вдох. — Если ты поклянешься... что поможешь мне... если поклянешься... связать свою судьбу с моей, пока... не закончится эта охота... на рассвете... на восьмой день.

Сердце Лоры снова отчаянно забилося в груди.

Вот это поворот... То, что предлагала Афина, не просто уничтожит Аристоса Кадму. Бог не мог отнять силу у другого бога. Но Афина устранила бы опасное влияние Ареса на Агон и на мир смертных.

— Свяжи свою судьбу с моей, — повторила богиня, протягивая ей окровавленную ладонь. — Твое сердце... жаждет этого...

Лицо Гилберта, его открытая улыбка промелькнули в сознании Лоры.

«Прости», — с отчаянием подумала она.

И кивнула.

Губы Афины растянулись, открывая запачканные кровью зубы.

— Ты же понимаешь, что это означает? Что влечет за собой клятва?

— Я знаю.

Ее далекий прапрапрадед стал героем поучительной истории, по глупости связав свою судьбу с олимпийским богом Дионисом. Древний бог нуждался в защите от потомков Кадма. Хотя сам Дионис принадлежал к этому роду через свою смертную мать, Дионис проклял и семью, и Кадма тоже, когда те отказались поверить, что он сын Зевса.

Но древний бог проиграл — его загнали в угол и зарезали как кабана. И в этот момент сердце предка Лоры тоже остановилось. Сильнейший в своем поколении, он ушел в одну секунду и остался в памяти сородичей предателем. А еще — и так считал отец Лоры — он стал истинной причиной многовековой вражды между Домами Персея и Кадма.

Лора согласилась бы приютить Афину, защитить ее ценой собственной жизни, надеясь, что богиня не умрет от ран. Это был риск, на который пришлось бы пойти. Клятва была проклятием — приносивший ее проклинал самого себя. Если Лора потерпит неудачу, она будет проклята. И в случае успеха тоже. Но она знала, что больше такой возможности у нее никогда не будет.

Лора попыталась вспомнить слова клятв, которые произносили ее отец и мать, но не смогла заставить себя обратиться к какому-либо из богов.

— Я помогу тебе пережить эту неделю, и ты уничтожишь бога, некогда известного как Аристос Кадму, моего кровного врага, — тихо произнесла Лора. Она взяла богиню за холодную руку. — Если такова сделка, клянусь силами земными, что выполню клятву или навлеку на себя гнев небес.

Богиня кивнула.

— Тогда я связываю свою смертную жизнь с твоей жизнью... Мелора, дочь Демоса, потомка Персея... Если я паду... ты падешь вместе со мной. Если ты погибнешь в Агоне... я погибну тоже. Вот клятва, которую мы даем друг другу.

Тепло окутало их соединенные руки, а потом по спине Лоры пробежал холодок, будто кто-то провел по ней острием ножа. Сила Афины приходила только в виде стали и боли...

— Это все? — спросила Лора.

Ответом ей была жестокая, кровавая улыбка богини.

Лора отстранилась и, пошатываясь, поднялась на ноги. По ее коже словно рассыпались искры, как звезды в небе, проникая до самых костей.

— Нужно остановить кровотечение, — сказала Лора, глядя на рану Афины. — Не знаю, найдется ли у меня нитка, чтобы наложить швы.

Богиня покачала головой.

— Прижги огнем.

Почти не ощущая тела, Лора направилась на кухню. Она держала разделочный нож над газовой конфоркой, пока металл не раскалился, сияя золотом, как искры в глазах Афины.

Майлз, отрешенно подумала она. Как только все это закончится, нужно посмотреть, как он там.

Но Майлз уже сам спустился, чтобы узнать, как у нее дела. Он сидел на ступеньке лестницы, напряженно выглядывая из-за старых деревянных перил. Лицо у него было белое, как стена, и Лора поняла, что он все слышал.

— Я думаю, — произнес он хриплым голосом, не отводя глаз от Лоры, которая стояла перед ним с раскаленным ножом в руках, — тебе стоит рассказать мне, что, черт возьми, здесь происходит.

Лора пересказала Майлзу урезанную историю Агона, созданного, чтобы наказать девяти богов — включая богиню, чьи раны она только что прижигала в гостиной, — и поведала о девяти кланах, потомках древних героев, избранных для охоты на провинившихся.

Она втиснула более тысячи лет в считанные минуты, понимая, как безумно все это звучит, но лицо Майлза ни разу ни дрогнуло. Он старательно удерживал маску невозмутимости.

Некоторое время они сидели в тишине. А, в сущности, чего она ожидала? Слушая собственные слова: «Так, на исходе каждых семи лет семь долгих дней будут они бродить по земле в облике смертных. Если убиваешь одного из них, становишься новым богом, забираешь силу и бессмертие убитого, но в следующем Агоне начнут охотиться и на тебя», Лора чувствовала, как в животе у нее скручивается узел, и не только потому, что с самого раннего возраста ее учили никогда не впускать в свой мир посторонних.

Для Майлза эти имена — Афина, Артемида, Аполлон, Посейдон, Гефест, Афродита, Дионис, Гермес и Арес — были древней историей, а отнюдь не живыми, дышащими гигантами, которые отказались про-

сто исчезнуть, как только на их землях появился более авторитетный бог.

По версии охотников, боги пытались силой вернуть власть над своими последователями, разжигая хаос в время падения Рима, заставляя Аполлона насылать на человечество смертоносные эпидемии, например, Юстинианову чуму*, которая погубила десятки миллионов людей. И все это в надежде, что смертные вновь начнут молить богов о защите и о прибежище.

— И когда Зевс приказал им остановиться, — завершила рассказ Лора, — девять богов во главе с Афиной попытались — неудачно — свергнуть его с Олимпа, и продолжить борьбу за власть.

Когда нужно было поговорить о чем-то серьезном, Гилберт всегда заваривал чай, и Лора поймала себя на том, что делает то же самое. Вот только руки ее потянулись не к чайным пакетикам и приготовили совсем другой отвар.

Охотники в шутку называли свой чай *нектаром*, напитком богов. Они заваривали тимьян — траву храбрости, а еще имбирь, лимон и мед, чтобы укрепить тело во время тренировок и Агона. Но обе кружки так и остыли, нетронутые, на столе, где она их оставила.

Захрипел кондиционер, наполняя кухню прохладным воздухом. Лора задернула занавески над раковиной — солнце било прямо в окно, значит, время близилось к полудню.

— Скажи что-нибудь, — прошептала она, снова садясь за кухонный стол.

* Юстинианова чума — первая отмеченная историками эпидемия этого заболевания. Длилась почти два века и унесла на Востоке и в Европе жизни более 90 млн человек.

— Я хочу сказать... — Отводя взгляд, Майлз провел рукой по волосам. — Лорен... это даже не твое имя.

— Ты ведь понимаешь, почему я не могла жить под своим настоящим именем? — спросила она.

Но дело было не только в том, чтобы затаиться, спрятаться так, чтобы ее никогда не нашли. Это новое имя — Лорен Перто — стояло в новом паспорте и в других поддельных документах, без которых семье матери Лоры не удалось бы вывезти девочку из страны. С тех пор это имя стало ее именем.

— Ничего не понимаю, — признался Майлз. — Итак: каждые семь лет происходит эта... охота. И место меняется. Все как в Олимпийских играх, только с убийствами? Правильно?

— В основном, да, — подтвердила Лора. — Охотники вычислили, что могут управлять местом Агона, перемещая так называемый *Омфал* — большой камень, который когда-то находился в Дельфах и отмечал место, которое считалось пупом земли, центром мира.

— «Пуп», как в том стихотворении? — уточнил он.

Когда-то Лора прочитала ему английский перевод предания о том, как Зевс провозгласил начало Агона. Оригинальная версия на древнем языке была утеряна.

— Да. Главы Домов собираются за год до следующего Агона и голосуют за место, где будет проходить охота. Обычно выбирают одно из тех, где у каждого из них сосредоточены основные ресурсы и власть, — продолжила Лора. — Они должны переместить Омфал так, чтобы боги не узнали и, следовательно, не могли разработать стратегию. Нынешний Агон проходит здесь, но кланы часто предпочитают крупные города островных государств, откуда богам труднее сбежать. Такие, например, как Лондон и Токио.

А еще, хотя такое случалось крайне редко — когда преследователям хотелось особо помучить жертву, Омфал возвращали в древнюю страну, и на богов охотились среди руин посвященных им же храмов, на земле людей, которые когда-то так их боялись.

— Девять семей... — заговорил Майлз.

— В Агоне теперь участвуют только четыре, — перебила его Лора. — Остальные вымерли.

— Как и твоя? — осторожно уточнил Майлз. — Потому что ты... последняя в своем роду?

— Последняя смертная, — ответила Лора. — Новый Посейдон, Тайдбрингер когда-то принадлежала Дому Персеидов, потомков Персея.

— А остальные Дома?

— Дома Кадма, Тесея, Ахилла и Одиссея — единственные сохранившиеся линии, но были также Дома Геракла, Ясона... — перечисляла Лора, а затем добавила, потому что, казалось, никто никогда не знал об их существовании: — еще Мелеагра, что возглавил Калидонскую охоту на вепря, и Беллерофонта, который победил чудищ и укротил Пегаса. Эти два рода погибли первыми.

Обе линии были уничтожены вскоре после того, как в шестнадцатом веке другие семьи решили упростить свои имена, чтобы соответствовать изменившемуся законодательству того времени. Дома Мелеагра и Беллерофонта были признаны недостойными дальше участвовать в охоте. В голосовании участвовал даже проклятый род Ясона. Мелеагра выбрали, потому что члены клана были потомками бастарда, а Беллерофонта — потому что их предок умер, вызвав ненависть богов, и только сам Зевс смог бы принять искупительную жертву от павшего героя*.

* Более полно см. миф о Беллерофонте.

— А я думал, что Геркулес... Геракл? Что он скакал на Пегасе? — удивился Майлз. — Хочешь сказать, что в моем любимом мультфильме неправда?

Лора вздохнула.

— Сейчас я задам трудный вопрос, — замялся Майлз, — но что именно случилось с остальными членами твоей семьи?

На мгновение Лора растерялась, не зная, с чего начать.

— Существует такое правило — основа нашей веры, — что только мужчинам, в частности, избранному главе каждого рода, позволено претендовать на власть бога. — Лора напряглась и снова почувствовала злость. — Только мужчины могут стать наследниками как смертной, так и бессмертной силы. Если в роду есть лидер мужского пола, всегда известно, кто станет его преемником. Если этот архонт падет или вознесется к бессмертию, власть перейдет к его сыновьям или брату, или племяннику. Когда род собирается на следующий Агон, они голосуют за того мужчину, который получит этот титул.

Когда-то она тоже верила в это — больше, чем верила. Даже ребенком Лора с радостью умерла бы за всех мужчин, только чтобы сохранить жестокий порядок в их мире. Но сейчас эти слова вызывали у нее лишь горечь, граничившую с отвращением.

— Они и в самом деле так ущемляют женщин? — спросил Майлз. — Даже сейчас?

Ноздри Лоры раздувались, она сделала шумный вдох.

— Прошли столетия, пока наконец женщинам не разрешили охотиться, да и теперь только избранным позволено образовывать отряды, которыми управляет сам архонт. Уж не знаю, специально это было придумано или вышло случайно, но четырнадц-

цать циклов назад Тайдбрингер обрела божественность. И не от кого-то там, а от одного из первых богов, от Посейдона.

Странно было чувствовать и гнев, kloкочущий в глубине души, и симпатию к новой богине. Лору учили ненавидеть ее, винить в том, что случилось с Домом Персея. Ей постоянно внушали, что Тайдбрингер совершила ошибку. И не потому, что смертный убил бога и занял его место. На это посягнула *женщина*, а это нарушало порядок вещей.

— Хорошо, но почему леди Посейдон связывают со смертью твоего... Дома? — спросил Майлз, осторожно подбирая слова. — Ты, кажется, говорила, что новые боги защищают свою семью и служат ей?

— В том-то и дело. Даже Персеиды избегали Тайдбрингер, и ей пришлось скрываться во время всех последующих Агонов, ведь у нее не было семьи, которая могла бы ее защитить. Клань видели в ней прямую угрозу мироустройству. Раньше никому и в голову не приходило, что женщина способна вознестись, пока Тайдбрингер не сделала этого. Опасность видели уже в самой идее...

Майлз вздохнул.

— Похоже, я знаю, к чему все идет.

— Чтобы подобного больше не повторилось, другие семьи, возглавляемые архонтом клана Кадма, уничтожили почти весь Дом Персея в последний день того Агона, когда убийство других охотников еще допускалось, — продолжила Лора. — Помимо Тайдбрингер, выжил мой прапрадед — он решил остаться в университете вместо того, чтобы участвовать в том цикле.

— Ничего себе, — пробормотал Майлз.

— Другие клань решили сохранить ему жизнь, чтобы мучить другим способом — унижением. Они

поделили запасы оружия и доспехов Персеидов, их прибыльные империи судоходства и текстильного производства, а еще передали главе рода Кадма величайшее наследие семьи.

Эгиду. Щит Зевса с головой Медузы Горгоны, который во многих битвах находился в руках его любимой дочери Афины. Сам главный бог-олимпиец вручил Эгиду Дому Персея, чтобы помочь им в охоте. Щит, способный вызывать молнии и одним своим видом вселяющий нечеловеческий ужас в сердца врагов.

Эгида была предметом всеобщей зависти, и остальные Дома таили обиду на Персеидов за то, что те получили наследство, считавшееся высшим. На протяжении веков соперничавшие кланы уничтожали другие символы власти, чтобы не допустить их использования.

Но только представители семьи могли использовать дары, принадлежавшие их Дому. Кадмиды, может, и украли Эгиду, но никто из них не мог ею владеть. Так что истинная причина того, почему удалось выжить ее прапрадеду и почему пощадили и саму Лору, была еще более чудовищной — когда умрет последний из Персеидов, исчезнет и Эгида.

— Вот это да... — медленно произнес Майлз. — Но, выходит, твоя семья... твои родители...

— И сестры.

Лицо Майлза вытянулось. Они с Гилбертом знали только то, что семья Лоры погибла, и девочку, не спрашивая ее согласия, взял на воспитание родственник по материнской линии. И то, и другое было правдой, но лишь в общих чертах.

— Их смерть была спланирована Аристосом Кадму — внуком того, кто руководил изначальным истреблением Персеидов, — сказала Лора.

— И теперь он стал новым... Аресом? — встрепетнулся Майлз. — После того, как убил последнего нового Ареса семь лет назад?

— Смертный думает, что ты лжешь.

Услышав низкий голос Афины, Лора вздрогнула. Но Майлз отреагировал куда более бурно. Он вскочил, опрокинув стул, и метнулся к ближайшему столу.

— Господи! — выдохнул он, пытаясь изобразить нечто похожее на полуреверанс-полупоклон. — Я имею в виду... я не...

— Так ты мне веришь? — повернулась к нему Лора. — Или нет?

Афина стояла в дверном проеме кухни, тяжело опираясь на косяк и прижимая руку к ране в боку. Боги исцелялись быстрее, чем обычные смертные, но Лора все равно удивилась тому, что Афина уже смогла встать.

— Я хотел сказать, да, — произнес Майлз. — Я верю тебе. Просто мне нужно время, чтобы это переварить, понимаешь?

С насмешкой оглядев его, богиня повернулась к Лоре.

— Этот сосуд нуждается в питании.

— Ты хочешь... есть? — догадалась Лора.

Афина опустилась на стул. На мгновение взгляд Лоры задержался на ней, и сердце ее дрогнуло: богиня в доме Гилберта, на его стуле.

Наконец Лора поднялась и направилась к холодильнику. Через несколько минут на столе появились три тарелки яичницы с беконом и три стакана воды. С вилками в руках, Лора и Майлз наблюдали, как Афина взяла пальцами ломтик бекона и поднесла его к носу.

Лора считала, что бесплатная еда самая вкусная, но, похоже, богиня не разделяла этого мнения. Она надкусила бекон и передернулась.

— Лучший бекон, который я когда-либо пробовал, — заявил Майлз, отправляя в рот большой кусок. Его преданность Лоре не уменьшилась, даже после того, как выяснилось, что он много лет не знал о ней правды.

— Не хочешь — не ешь, — холодно сказала Лора Афине.

Богиня сделала глоток воды и насмешливо скривила губы.

— Все дело в *ощущениях*. — Афина заставила себя проглотить кусочек яичницы. — Опуститься до таких... низменных потребностей. Нуждаться в пресной, отвратительной пище или чувствовать пустоту в желудке. Чувствовать боль. Это невыносимо.

— Ну да, — согласилась Лора. — В человеческом существовании много *невыносимого*.

Майлз удивленно посмотрел на нее, но промолчал.

— Что ж... — начал он, и его глаза метнулись к небесному существу, восседавшему рядом. Афина была все еще покрыта грязью и темной засохшей кровью. — Где твоя сова?

Взгляд, которым одарила его богиня, испепелил бы целый квартал, будь она в полной силе.

Ничуть не смутившись, Майлз продолжал:

— А твой щит?

Стакан выскользнул из руки Лоры и разбился о дно раковины.

— Лора? — Майлз кинулся на помощь, но Лора отмахнулась, жестом велела ему сесть и принялась собирать осколки.

— *Эгида*, — твердо произнесла Афина, называя вещи своими именами. — Это был щит моего отца. Много веков назад отец подарил его охотникам вместе с другим нашим оружием и божественным

имуществом. С тех пор я его не видела, да и не смогла бы им воспользоваться, даже если бы захотела. Если только он не окажется в моих руках к последнему из семи дней, когда я обрету свою бессмертную форму.

— Неправда, — возразила Лора. — Щит должен быть добровольно передан кем-то из рода, а это невозможно. Кадмиды держат его у себя уже десятки лет.

— И ты это знаешь точно, не так ли?! — произнесла Афина. — С какой целью ты рассказываешь все это смертному, Мелора? Чем это поможет?

— Я устала ему лгать, — ответила Лора, стараясь не вспылить. — Понимаю, тебе все это чуждо. Дай знать, если тебе понадобится новое определение слова «друг». Похоже, Артемида была последней, кого ты считала другом... пока она не ударила тебя ножом.

— Не думал, что когда-нибудь это скажу, но впервые в жизни я рад, что у меня нет сестры, и поножовщина здесь ни при чем, — вмешался Майлз, которого явно задело слова богини. — Хочу спросить: Артемида — единственная из первых богов, кто все еще участвует в Агоне? Кроме тебя?

Афина подняла голову и посмотрела на Лору, словно желая, чтобы та ответила вместо нее.

— Нет, еще Гермес. И Аполлон, — сказала Лора.

— Вот тут ты ошибаешься, — резко заявила Афина. — Аполлон погиб в конце последнего Агона.

Услышав эти слова, Лора чуть не лопнула от приступа жгучего любопытства, но все же сумела его побороть. Она стиснула руки под столом и сидела так, пока не успокоилась.

— Считается, что Аполлон был тогда убит, но никто этого не видел, — заметила Лора. — Ходили слу-

хи... Однако это могло быть всего лишь уловкой, чтобы в следующем Агоне Аполлона преследовал только один клан. К какому бы Дому ни принадлежал новый Аполлон, его личность держат в секрете. Скорее всего, это кто-то из Дома Тесея. В прошлом году этот клан сделал значительные инвестиции в солнечную энергию.

Лора уже объяснила Майлзу, как новый бог может принести финансовую пользу своей семье, вмешиваясь в мировые события ради продвижения их интересов. Так, новая Афродита, Харткипер, привел Дом Одиссея в чрезвычайно успешные голливудские проекты. Новый Арес, и Аристос Кадму, в том числе, развязал новые международные конфликты, чтобы поддержать инвестиции своего клана в производство оружия. А новый Дионис основал первую мегацерковь* или культ Судного дня. Возможности открывались огромные, нужно было лишь включить воображение.

— Итого, восемь богов, — заметил Майлз. — Остался еще один?

— Гефест, — ответила Лора. — Но его больше нет.

— Уничтожен властолюбивым самозванцем, — прорычала Афина.

— Может, твоему отцу следовало оставить более четкие и разумные инструкции, а не поручать каким-то парням слагать дерьмовые вирши о том, как все начиналось, — съязвила Лора. — Охотники не виноваты в том, что им пришлось самим устанавливать правила.

* Общепринятое в англоязычных странах обозначение протестантских церквей численностью более 2000 прихожан, собирающихся в одном здании. Собрания в таких мегацерквях, нередко сопровождающиеся концертами звезд эстрады и другими яркими мероприятиями, привлекают множество верующих, особенно молодежи.

— Конечно, — презрительно фыркнула Афина. — Высокомерному самозванцу было недостаточно обладать силой одного бога. И один болван попытался убить другого, чтобы посмотреть, сможет ли он заполучить еще и власть Гефеста. Справедливо, что он не смог.

— Тут я с тобой соглашусь, — кивнула Лора. — Больше никто не совершал этой ошибки. Охотники хотят сохранить как можно больше возможностей обрести бессмертие. Вот почему Агон никогда не закончится. Они этого не допустят.

Часы, принадлежавшие еще деду Гилберта, пробили очередной час, и каждый их удар все сильнее действовал Лоре на нервы.

— Ну, и какой у нас план? — спросил Майлз.

— Ты идешь на свою стажировку, — решительно заявила Лора. — И находишь друга, у которого сможешь пожить до следующего воскресенья.

— Что? — возмутился тот. — Какой тогда был смысл рассказывать мне все это?

— А такой, — объяснила Лора, — чтобы ты понял, насколько все опасно.

— Если это так опасно, я не уйду отсюда и не оставлю тебя, — уперся Майлз. — Напишу начальнице, что заболел. Но я не уйду, и ты меня не заставишь.

Обнаружив, что Афина наблюдает за этой перепалкой с удивлением и одобрением, Лора стиснула зубы.

— Мне нравится общество этого смертного, — сообщила богиня.

— Этот смертный даже не знает основ боя на ножах. — Лора поднялась, чтобы собрать пустые тарелки. — Так что, если ты падешь в бою первой, удачи тебе.

Она снова повернулась к Майлзу.

— Я не знаю, сколько еще в этом доме будет безопасно. Я попыталась сбить со следа охотничьих собак, чтобы они не учуяли ее запах. Но этого может оказаться недостаточно.

— Я не буду пленницей в этом доме, — проговорила Афина. — И воспользуюсь собственной силой, чтобы скрыть свое присутствие, если необходимо. Я довольна, что останусь здесь, пока восстанавливается эта смертная оболочка. Однако, для того чтобы выполнить нашу клятву, мне придется покинуть эти стены. А ты, Мелора Персеус, знаешь меньше, чем тебе кажется. Ты даже не знаешь, что именно лже-Арес ищет последние семь лет.

Перед глазами Лоры вновь промелькнуло лицо Кастора. *Он что-то ищет...*

— А ты знаешь? — спросила она.

Богиня кивнула.

— Стихотворение, которое тебе так дорого и которое ты цитируешь как достоверный источник, либо неполное, либо существует и другая версия. В которой говорится, как закончится Агон и победитель получит безграничную власть.

Разум Лоры отключился, отреагировало только тело. Она подскочила на стуле, тот, опрокинувшись, с грохотом ударился о кафельный пол. И чтобы не упасть самой, ей пришлось вцепиться в руку Афины.

— Что?!

Растерянный взгляд Майлза заметался между ними.

Афина покачнулась — сильная потеря крови давала о себе знать, а, может, ее ранение было гораздо серьезнее.

— Мы с сестрой следили за Кадму. Он жаждет раздобыть эту информацию больше всего остально-

го и отправил полчища своих охотников на ее поиски. Вряд ли стоит объяснять, какие катастрофы ожидают мир, если этот документ попадет к нему в руки. Мы должны торопиться. Если мы найдем этот фрагмент... он приведет нас к Кадму, и тогда я прикончу его.

Конечно, отыскав новую версию оригинала — если она вообще существует, — Афина получила бы недостающие крупницы знаний, за которыми охотился Аристос Кадму. Лоре вообще не нравилось, что кто-то — охотник или бессмертный — может завладеть такой ценностью. Значит, ей придется найти ее первой и, по возможности, уничтожить документ или...

Уничтожить любого охотника, который знает, что там написано.

— В таком состоянии ты с ним не справишься, — заметила Лора. — Я знаю, ты исцеляешься быстрее нас, но твоему телу, вероятно, требуется переливание крови и, по крайней мере, антибиотики.

— Я не нуждаюсь в таких средствах, — возразила Афина. — Ты что, сомневаешься в моей силе, дитя?

Богиня, казалось, не замечала, как быстро она моргает, стараясь держать глаза открытыми.

— Я сомневаюсь в твоём смертном теле, — уточнила Лора.

— Ты можешь попросить кого-то о помощи? Того, кому ты можешь полностью доверять? — спросил Майлз.

— Да, — ответила Лора, а про себя добавила: *«может быть»*.

Кастор обучался на целителя и наверняка имел доступ к запасам своей семьи — к лекарствам, крови и всему остальному, чего Лора не смогла бы купить на черном рынке. Если на кону стояла смерть Аристо-

са Кадму, она была готова переступить через свою гордость и попытаться найти Кастора. Вот только там, в клубе, Лора кипела от злости и, скорее всего, несправедливой. Она помнила, что ее давний друг был не из тех, кто таит обиду, но этого нового Кастора Лора совсем не знала.

Аподидраскинда.

Это было приглашение... не так ли?

— Я могу обратиться за помощью и попытаться узнать больше информации о новой версии предания и о том, у кого она может находиться, — заговорила Лора. — Большинство охотников сейчас здесь, но этот текст может храниться в архивах одного из Домов в другой стране.

— Текст здесь, — убежденно проговорила Афина. — Я в этом уверена, и лже-Арес, судя по всему, тоже. В тайнике или в чьей-то памяти, но то, что мы ищем, находится в этом городе.

Лора кивнула.

— А твоя сестра? Не явится ли она сюда, чтобы тебя добить?

— Артемида ранила меня только для того, чтобы самой спастись от Кадмидов. Они напали на нас во время Пробуждения, — сказала Афина. — Возможно, наш союз и распался, но у нее будут другие... заботы. Когда придет время, я отплачу ей своим клинком.

— А как насчет Гермеса? — спросила Лора.

— Я давно его не видела. — Лицо Афины оставалось бесстрастным. — И не хочу. Когда четыре десятилетия назад этот глупец нарушил наш договор, мы отказали ему в помощи, как и он нам.

— Почему-то меня это не удивляет, — пробормотала Лора. И, повернувшись к Афине, добавила: — Сейчас мне нужно уйти, а ты можешь привести себя в порядок.

Богиня коснулась пряди волос, прилипшей к окровавленной щеке, и кивнула. Стремясь обеспечить мир и покой в доме на время своего отсутствия, Лора наполнила ванну, добавила в воду соль и ароматическое масло и положила возле раковины рулон свежих бинтов.

— Я найду тебе чистую одежду. Но должна предупредить: она не будет соответствовать твоим обычным стандартам.

Афина обернулась, и ее глаза сверкнули.

— Я уверена, все, что ты найдешь, будет... терпимым.

Лора остановилась в дверях, вцепившись пальцами в косяк.

— Сейчас я уйду, — тихо произнесла она, — искать для тебя целителя. Майлз останется с тобой, в безопасности, потому что не знаю, *что* бы я сделала с собой, если бы с ним что-то случилось.

Губы Афины изогнулись в насмешливой улыбке.

— Действительно. Хотя...

— Что?

— Боюсь, в нашей истории ты кое-что понимаешь неправильно, — сказала Афина. — Мы были наказаны не за то, что отнимали жизни, а за то, что вторглись в земли других богов. И это угрожало нашему миру — миру, о котором смертным ничего не известно.

— Это же... — начала было Лора. *Ужасно, жестоко, невероятно.* Выбирай любое слово, и оно окажется верным.

Не договорив, Лора тихо закрыла дверь и снова полезла в карман за цепочкой, которую ей подарил Гилберт. Амулет-перышко лежал на ее ладони, и Лора застыла в полумраке коридора, дожидаясь, пока сердце перестанет так биться.

«Не потеряно, — подумала она. — Свободно».

Пусть закончится эта неделя, и Афина выполнит свою часть сделки, тогда Лора станет по-настоящему свободной. От Агона. От богов. От охотников.

Застав Майлза в своей комнате, Лора не удивилась. Майлз сидел на краешке ее кровати и был самым ярким пятном в аскетичной обстановке маленькой спальни.

— Ладно, — вздохнув, начала Лора, — я знаю, ты хочешь остаться, но...

Майлз внезапно вскочил и крепко обнял ее. Лора замерла, боясь пошевелиться.

— Почему ты не уехала? — прошептал он. — Ты могла уехать на прошлой неделе. Я бы тебе помог.

На мгновение зажмурившись, Лора высвободилась из объятий и шагнула к комоду.

— Если что-нибудь произойдет, пока меня не будет, или ты заметишь на улице кого-то подозрительного, ты должен оставить Афину и бежать.

— И не подумаю, — упрямо повторил Майлз.

— Ты не можешь сражаться с охотниками, Майлз. Они обучены убивать богов и любого, кто окажется у них на пути. Я даже тела твоего не найду.

Майлз непонимающе уставился на Лору.

— Я не собираюсь с ними *сражаться*. Спрячусь в подвале и наберу 911, как все нормальные люди.

Слабо улыбнувшись, Лора бережно положила на комод цепочку с подвеской, а потом вытащила из ящичков белую просторную рубашку, черные штаны, белье и носки.

— Хочешь, попробую починить? — предложил Майлз.

— А ты сумеешь? — спросила Лора, отдавая ему украшение. — Другой цепочки у меня нет, а если носить на шнурке, можно потерять.

Майлз осмотрел место разрыва.

— Я попытаюсь.

— Спасибо. — У Лоры было так мало вещей, которыми она дорожила. Из прошлой жизни не осталось ничего.

Кроме Кастора, пронеслось у нее в голове.

Она набрала в грудь воздуха, позволяя этой мысли согреть ее. У нее все еще был Кастор. Агон отнял очень много, но вернул его.

— Знаешь, я понял, почему охотники хотят бессмертия, — произнес Майлз, отрывая взгляд от цепочки. — И понимаю, что это означает для них и для семей, которым они принадлежат. Но за ними тоже будут охотиться! Так неужели им не приходит в голову, что игра не стоит свеч?

Лора так боялась рассказать обо всем Майлзу, так паниковала. А теперь чувствовала усталость и облегчение. Хорошо, что она сумела преподнести ему эту историю правильно.

— *Клеос*. Все сводится к этому. За этим они и охотятся. Это единственное, чего им позволено желать. Бессмертие можно обрести, став богом, а можно — через славу. Клеос — это почитание, которое приходит, когда становишься легендой и живешь вечно в сказаниях и песнях, которые о тебе слагают. Твое тело может умереть, но имя останется.

— И это все? — удивился Майлз.

— Знаю, тебе это кажется бессмыслицей, — ответила Лора.

Любому, кто вырос за пределами ее мира, трудно это понять. Иногда это было непонятно даже ей самой.

Резкий вой телефона Майлза заставил их обоих вздрогнуть.

— Ты *должен* поменять рингтон, — взмолилась Лора.

Майлз одними губами произнес: «*извини*», выскочил за дверь и ответил на звонок слегка страдальческим: «Привет, ма... Да, нет, у меня есть время. В чем дело?»

И пока он шел по коридору в свою комнату, Лора слышала, как он говорил:

— Нет, нет, это не то место. Это там, где мы раньше играли в футбол, не в школе...

Дверь его комнаты закрылась, и слов уже было не различить, но его голос все еще звучал в ее голове, чисто и звонко, как колокольчик.

То место, где мы раньше играли...

Конечно. *Аподидраскинда*. Прятки. Игра их детства.

— Это умно, Кас, — прошептала Лора.

Его послание было не вызовом, а подсказкой, где его искать.

На высоте трех этажей над землей, балансируя на узком бетонном выступе бывшего склада в Трайбеке*, Лора обнаружила, что боится высоты!

— Фантастический план. Как всегда, — пробормотала она.

Тело дрожало от напряжения, саднили подушечки пальцев, содранные о кирпич. В последний раз Лора проверила камеры видеонаблюдения справа — убедилась, что не попадетя на ближайшую к ней.

Когда Ахиллиды владели и другой недвижимостью в городе, именно здесь, в этом здании, известном как Дом Фетиды, они с Кастором в детстве играли в аподидраскинду. Именно тогда Кастор показал ей, как подобраться к зданию сзади, незаметно для камер видеонаблюдения и снайперов на крыше. Это было сродни подвигу — проникнуть в служебный лифт гаража, проползти сквозь замаскированную дыру в заборе, по которому пропущен ток, использовать ряды мусорных баков в качестве щита.

И последний, смертельно опасный, вызов в этом состязании — забраться на верхний угол здания,

* TriBeCa (сокр. от Triangle Below Canal Street — «Треугольник южнее Канал-стрит») — первый жилой квартал Нью-Йорка. Застраивался с конца XVIII в.

цепляясь лишь за декоративную кирпичную кладку. Вот только сегодня все было иначе, чем семь лет назад.

Лора боялась не только падения, но и того, что найдет внутри этих стен. Она подтянулась еще на четыре кирпича вверх, оставив позади балконы и окна третьего этажа. И тут до ее ушей донеслись какие-то звуки: негромкая музыка, звон хрусталя, гул возбужденных голосов.

Переместившись ближе к окнам, Лора покрутила головой, проверяя все ли спокойно, и, дотянувшись до левого балкона, заглянула в затемненные стекла полуоткрытых дверей.

«Это что, такая шутка?!»

Вечеринка?

Лора словно видела сон о другой, древней жизни. По залу скользили женщины в светлых хитонах и пеплосах* древнего покроя, но из шелка. Сверкали драгоценности, диадемы из лавровых листьев, живых и золотых украшали головы.

У столов с обильной закуской и пирамид из бокалов шампанского и вина толпились мужчины в хитонах. Хотя кто-то все же выбрал более современные просторные одеяния поверх свободных шелковых брюк.

Вечеринки, перерастающие в хмельные пирушки с вином и древними обрядами, обычное дело — в конце концов, зачем тебе слава, если нельзя купаться в роскоши? Иногда во время таких пиров проводились некие церемонии — например, жертвоприношения Зевсу в дни, предшествовавшие Агону, дабы заслужить благосклонность верховного Олимпийца,

* Пеплос — женская верхняя одежда для торжественных случаев, из легкой ткани, с множеством складок, без рукавов. Представляет собой большой кусок ткани, который надевали поверх туники, скальвая на плечах.

особые ритуалы после завершения охоты, когда наступало время хоронить мертвых.

Но эта вечеринка была чем-то иным.

«Тебе лучше появиться, Кас», — сердито подумала Лора, чувствуя давно забытый прилив нетерпения и азарта.

В этом здании было бесчисленное множество комнат: спальни, учебные помещения, конференц-залы, гардеробные, кабинеты, — в этом лабиринте за просто можно было заблудиться. Официально Лору пускали только на второй этаж, в огромное открытое пространство, заполненное стеллажами с оружием, где она тренировалась с молодыми Ахиллидами.

Когда Лора была еще ребенком, родители пытались научить ее сражаться, однако им не всегда удавалось выкроить время для этих занятий — оба трудились в поте лица, зарабатывая на жилье и кусок хлеба. Лора никогда не задумывалась о том, чего стоило ее отцу обратиться к архонту Ахиллидов по поводу ее обучения — истинная цена измерялась не деньгами или обещанными услугами. Всякая просьба означала, что просивший вынужден переступить через свою гордость, унизиться.

Взглянув на верхний балкон, Лора вздохнула. Четвертый этаж использовался в основном как склад, и, поскольку на крыше всегда находились наблюдатели, его охраняли не так тщательно, как нижние, более доступные уровни. Не особо следили и за неприметным входом в цокольном этаже здания, расположенного справа от Дома Фетиды.

Ненадежный, сантиметровой толщины карниз тянулся от края здания к ближайшему балкону. Втянув в себя воздух, Лора задержала дыхание и на цыпочках ступила на его кромку. Плечи и руки просто кричали от боли, но сейчас ее больше беспокоили